

Vysheslavtsev, A. V.

ОЧЕРКИ

ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ

ИЗЪ

КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ

ВЪ 1857, 1858, 1859 И 1860 ГОДАХЪ

А. ВЫШЕСЛАВЦОВА

СЪ 27-Ю РИСУНКАМИ

Литогр. П. Паша .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

1862

6440
V9c

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 апрѣля 1862 года.

Ценсоръ А. Бекетовъ.

ОЧЕРКИ

ПЕРОМЪ КАРЕНДАШЕВЪ

1836

КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ

ВЪ ВЪШЕСЛАВІИ

АЗІЯ

ПОЛИНЕЗІЯ

АФРИКА

АМЕРИКА

1857 - 1858 - 1859 - 1860

ИЗЪ ЭДДО (*).

ТАЙФУНЪ. — РЫБАКИ. — ЮКАГАВА. — ЭДДО. — ЧИНОВНИКИ. — ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ. — НАРОДЪ. — ПРОЦЕССИ. — ХАРА-КИРИ. — ОВЪДЪ. — НИПОНЪ-БАСЪ. — РЕЛИГІЯ ЯПОНЦЕВЪ И ИХЪ ХРАМЫ. — О'СИРО. — ПОВІЕНІЕ КАМНЯМИ. — ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ ГРАФА МУРАВЬЕВА. — ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ. — ЯПОНСКІЯ ЛАВКИ. — ЯПОНСКАЯ ВЪЖЛИВОСТЬ. — ЖЕНЩИНЫ. — ГОРА ЗОЛОТАГО ДРАКОНА. — ТРАГИЧЕСКОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ ЮКАГАВѢ. — ОЗІО И ЯПОНСКІЕ ЭПИКУРЕЙЦЫ.

Желаніе наше исполнилось: *Пластунъ* назначенъ былъ состоять въ эскадрѣ, сопровождавшей графа Муравьева въ Эддо. 24 іюля съ утра, развели пары, и мы, вмѣстѣ съ корветами *Рында* и *Гридень*, вышли въ море. Хорошо знакомая намъ гора, возвышающаяся конусомъ надъ Хакодади, повертывалась своею южною стороною, по мѣрѣ того какъ мы ее огибали. Всѣ скалы и тропинки, по которымъ мы такъ часто ходили зимой, по которымъ влачили «свою задумчивую лѣнь», ясно виднѣлись; вотъ и пещера, сіяющая своею темнотою на бѣломъ песчаникѣ; вотъ и каменные ворота, гдѣ такъ гармонически разбивается морская волна, обдавая брызгами камни и берегъ. Обогнувъ полуостровъ, черезъ перешеекъ, мы увидѣли мачты джонокъ и фрегата *Аскольдъ*, оставленнаго нами

(*) Я пишу Эддо, а не Іеддо по произношенію японцевъ.

на рейдѣ; вотъ потянулись справа и слѣва неясные берега Сангарскаго пролива, наконецъ и ничего не стало видно, кромѣ моря и неба, вѣчной картины мореплавателей.

Черезъ нѣсколько дней, желая опредѣлиться, мы приблизились къ берегу Нипона. Погода была хорошая, только страшная духота наводила иногда сомнѣніе. Съ юга показалась мертвая зыбь, скоро сдѣлавшаяся громадною. Барометръ быстро пошелъ книзу, и духота до такой степени увеличилась, что давила грудь и грозила бѣдой. «Чтонибудь да будетъ!» говорили всѣ. Приказано было разводять пары, чтобъ удалиться отъ берега. Начали налетать порывы, съ каждымъ разомъ становясь сильнѣе и сильнѣе. Какъ повторяемые мотивы музыкальной піесы, сливаясь звуками, взаимно пополняя другъ друга и постепенно усиливаясь и разрастаясь, оканчиваются гармоническимъ fortissimo, такъ точно сначала слабыя дуновенія вѣтра, усиливаясь и крѣпчая, оканчиваются налетающимъ ураганомъ. Тутъ уже не услѣдите за звуками. Гулъ вѣтра, свистъ между снастями; потоками льющійся дождь, ревъ волнъ, вливающихъ съ обоихъ бортовъ, крикъ команды— все это, кажется, кружится въ воздухѣ, поднятое вихремъ... Даже ощущенія мѣшаются: волны вы слышите, шумъ ихъ, кажется вы видите! Паруса закрѣплены, люки наглухо законопачиваются, то-есть сидящіе внизу лишаются свѣта и воздуха,—одна изъ самыхъ некомфортабельныхъ и прозаическихъ сторонъ шторма; душно, мокро отъ вливающейся воды даже сквозь законопаченные люки. «Что барометръ?» часто спрашиваете вы. «Падаетъ», отвѣчаютъ сверху, и вы ждете, что же еще будетъ?..

Было около 11 часовъ вечера. Я вышелъ наверхъ. Лотъ показывалъ 35 сажень, слѣдовательно близокъ берегъ,—плохо; а вѣтеръ, начавшись отъ S, быстро переходилъ по SO-ой четверти къ O; прежнее волненіе сбивалось новымъ, и клиперъ било и валяло со всѣхъ

сторонъ. Надежда была на то, что машина, уже дѣйствовавшая, отдалить насъ отъ берега. Вдругъ клиперъ хватилъ носомъ и громадная волна ввалилась съ боку, затопивъ собою весь клиперъ. Взглянувъ наверхъ, я увидѣлъ, что не было форъ-стенъги и брамъ-реи, вмѣстѣ съ стеньгой сломался утлегарь и бомъ-утлегарь, и все это, удерживаемое снастями, билось о бортъ (*). Ураганъ усиливался, дождь ливнемъ лился на палубу, и темная ночь представляла со всѣхъ сторонъ всѣ ужасы разъярившихся силъ природы; кипѣвшій океанъ бурлилъ и клокоталъ, исполнскія горы волнъ его стремительно падали въ разступившіяся пропасти. Но человекъ въ это время копошился на своей скорлупѣ, настойчиво топилъ машину, настойчиво привязывалъ разныя веревочки, записывалъ, — какъ въ протоколъ записываются отвѣты подсудимаго, — всякій проступокъ провинившейся природы, и отходящій вѣтеръ, и падающій барометръ, и дѣйствительно, настоялъ на своемъ! Такъ воевала природа, такъ спорили съ нею до утра. На другой день вѣтеръ сталъ немного мягче, а на третій совсѣмъ стихъ; только разгулявшееся море долго еще не могло успокоиться и качало, какъ люльку, нашъ клиперъ, пользовавшійся временемъ, чтобъ исправить всѣ случившіяся съ нимъ бѣды. У мыса Кинъ задержало насъ сильное противное теченіе. — Разъ ночью увидѣли блестящій метеоръ, тихо и плавно падавшій, точно ракета, по небу; въ то же время было затмѣніе луны: казалось, эти явленія были какими то предзнаменованіями, какъ будто въ странѣ, гдѣ еще не совсѣмъ успокоились подземныя силы, гдѣ землетрясенія и вулканическія изверженія такъ же часты, какъ у насъ грозы и метели, само небо должно блеснуть на насъ чѣмъ нибудь особеннымъ и чрезвычайнымъ.

(*) Бѣдному В. пришлось вмѣстѣ съ командой идти на марсъ и салпнръ, принятовлявать повисшую брамъ-рею и обломки стеньги.

Берегъ подѣйствовалъ на насъ иначе, чѣмъ берега Манчжуріи или острова Иессо. Густыя группы деревъ вѣнчали зеленые холмы, до вершинъ изрѣзанные горизонтальными террасами; между холмами рисовались веселыя деревеньки съ сѣренькими домиками, то подъ тѣнью рощъ, то по берегу моря. Все зеленѣло и смотрѣло такимъ мирнымъ и безмятежнымъ пріютомъ труда и спокойствія, что поневолѣ хотѣлось погулять по этимъ улыбающимся холмамъ и цвѣтущимъ долинамъ.

Далеко отъ берега насъ встрѣчали японцы на своихъ плоскодонныхъ лодкахъ; въ нихъ они удаляются миль за сто въ море, но вѣроятно часто совсѣмъ не возвращаются, потому что не-много надо, чтобы потопить такую посуду. Передъ ураганомъ мы ихъ видѣли много въ морѣ; сколько ихъ возвратилось?... Они выѣзжаютъ ловить рыбу;— что это: нужда, или отвага? Они свыклись съ моремъ; посмотрите, какъ эта плотная, приземистая фигура бронзоваго цвѣта, въ едва-прикрывающихъ наготу синихъ тряпкахъ, сильно дѣйствуетъ весломъ. Имѣя такое прибрежное населеніе, съ дѣтства сроднившееся съ моремъ, Японія можетъ владѣть превосходнымъ флотомъ, когда совершенно выйдетъ изъ своей замкнутости. Всѣ берега ея населены рыбаками, между которыми она можетъ брать совершенно готовыхъ матросовъ. Типъ прибрежныхъ жителей меньше всѣхъ другихъ японцевъ напоминаетъ монгольскій типъ; они большею частью средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; тѣло ихъ, вѣчно открытое лучамъ солнца, почти коричневаго цвѣта; они дѣятельны, расторопны, понятливы и производятъ пріятное впечатлѣніе своими, нелишенными красоты, фигурами, оживленными глазами, черными волосами и слегка изогнутымъ носомъ. Добывая себѣ пропитаніе съ такимъ рискомъ, они больше другихъ жителей Японіи вышли изъ моральнаго застоя.

Опасность, сопровождающая ихъ промысль, выводитъ ихъ изъ обычнаго равнодушія: въ борьбѣ съ бурями океана нужна открытая отвага, лицомъ къ лицу надо сходитьсь съ врагомъ; а съ бурями жизни, на берегу, японецъ борется орудіями шпіонства и подлости, подобострастія и униженія, что одно можетъ обезпечить его мертвенный покой. Не оттого ли береговые жители такъ любятъ море и такъ подолгу не возвращаются домой?..

Огибая мысъ Кинъ, мы оставили влѣвъ островъ, синимъ очеркомъ выглядывавшій изъ прозрачной дали; наконецъ вошли въ проливъ. По берегу тѣ же зеленые холмы, тѣ же зеленныя роци; на каждой полуверстѣ навѣрное деревня или мѣстечко; дома однообразны, иногда только выкажется высокая крыша храма съ своимъ широкимъ навѣсомъ. Не было видно клочка земли безъ слѣдовъ труда. Лодокъ встрѣчалось очень много. Нѣкоторыя, подъ парусами, старались перерѣзать намъ путь, другія дружно и съ крикомъ наваливались на весла, желая догнать насъ; какъ первыя, такъ и вторыя оставались за кормой, останавливались, дѣлали намъ какіе-то знаки и кричали, но мы не обращали на нихъ никакого вниманія. Если это были лоцмана, то мы въ нихъ не нуждались, если же они были защитники старыхъ порядковъ Японіи, протестующихъ противъ прихода въ нѣкогда-недоступный европейцамъ заливъ Эддо, то мы не должны были обращать на нихъ вниманія. Въ проливѣ цѣлая флотилія военныхъ лодокъ имѣла рѣшительное намѣреніе остановить насъ; одна даже навалилась на клиперъ, но только сама себѣ что-то повредила. Стало темнѣть. Предполагая, что другія суда нашей эскадры уже были въ Канагавѣ, мы пускали ракеты и жгли фальшфейеры; скоро изъ-за дальняго мыса взвилась намъ въ отвѣтъ ракета, и мы, руководствуясь огнями и ночными сигналами, вошли въ Канагавскую бухту и стали

на якорь. Здѣсь русскія суда уже не въ первый разъ; въ прошломъ году, въ это же время, стояли здѣсь фрегаты *Аскольдъ* и клиперъ *Стрѣлокъ*.

На другой день утромъ (4 августа), мы рассмотрѣли мѣстность. Рейдъ былъ въ довольно обширной бухтѣ, наши и купеческія суда заслоняли собою и рангоутомъ берегъ; между снастями проглядывала та же веселая мѣстность, которая здѣсь еще больше выигрывала отъ отдаленныхъ горъ и вида величественнаго Фузи, рисующагося на горизонтѣ; къ нему глазъ проникалъ черезъ перспективу холмовъ, покрытыхъ развѣсистыми деревьями; у склоновъ находилось справа мѣстечко, или городъ Канагава, а слѣва Юкагава, городъ, выстроенный, въ послѣдніе четыре мѣсяца, собственно для европейцевъ.

Такъ какъ нашъ клиперъ долженъ былъ въ этотъ же день идти въ Эддо, то я поспѣшилъ съѣхать на берегъ, чтобъ имѣть какое-нибудь понятіе о Юкагавѣ. Для шлюпокъ устроены двѣ длинныя каменныя пристани, перпендикулярно прилегающія къ берегу; здѣсь стоитъ нѣсколько японскихъ лодокъ, которыя всегда можно нанять. Весь городъ напоминаетъ наши выстроенныя на живую нитку ярмарки; только длинныя дома выстроены основательнѣе; улицы разбиты правильно и плотно убиты щебнемъ. Стѣны домовъ выштукатурены и выкрашены бѣлою и черною краской, что производитъ довольно непріятное впечатлѣніе; все смотреть чѣмъ-то временнымъ, приготовленнымъ на случай, на показъ.

Нѣтъ ни одного японскаго храма, не видно ни одного частнаго свободнаго лица: всѣ заняты дѣломъ, всѣ или купцы, или ремесленники, или служащіе. За то все, чѣмъ Японія щеголяетъ передъ европейцами, то-есть лаковыя вещи, фарфору, шелковыя матеріи и женщины, выставлено здѣсь въ большомъ количествѣ и во всей своей соблазнительной прелести. Улица чайныхъ домовъ,

примыкающая къ зелени и простору поля, смотритъ особенно заманчиво своими рѣшетчатыми домиками и красивыми, разноцвѣтными фонариками, развѣшенными въ большомъ количествѣ по наружнымъ галереямъ. Магазины блестятъ бронзой, врѣзанною въ лаковые шкафы и экраны; фарфоры своею бѣлизною и прозрачностію завлекутъ самаго равнодушнаго человѣка, а магазины съ шелковыми матеріями и крѣпами заставляютъ сожалѣть, что здѣсь нѣтъ нашихъ петербургскихъ и московскихъ дамъ. Кромѣ этихъ магазиновъ, много лавокъ съ зеленью и живностію и всѣмъ тѣмъ, что нужно приходящимъ судамъ.

Въ Канагавѣ старыи японскій городъ. Онъ открытъ европейцамъ съ прошлаго года, вмѣсто Симоды, гдѣ рейдъ опасенъ и безпокоенъ. Здѣсь живутъ уже англійскій, американскій и голландскій консулы.

Ходя по улицѣ, вмѣстѣ съ полуголыми рабочими и чопорно одѣтыми чиновниками, я встрѣтилъ какую-то странную церемонію, значеніе которой никакъ не могъ себѣ объяснить. Впереди шла молодая, очень красивая женщина съ распущенною косою; ее сопровождала цѣлая толпа женщинъ, старухъ, дѣтей и мужчинъ. Несмотря на участіе и видимое сожалѣніе, которое выказывали сопровождавшіе, она была весела и съ какимъ-то самодовольствіемъ влекла за собою, какъ будто чарами своей красоты, разнообразную толпу. Мимическимъ объясненіемъ церемоніи довѣряться было трудно; какъ разъ сдѣлаешь заключеніе, въ родѣ того, что въ Россіи въ деревняхъ и въ городахъ часто видишь виселицы, и что тамъ живутъ маленькіе люди съ одною ногой, называемые *maltchiki*. Но зачѣмъ объясненіе, — удовольствуйтесь картиной, которая меня остановила и была въ самомъ дѣлѣ очень любопытна.

Часа въ три мы снялись съ якоря и пошли въ Эддо. *Пластуна* былъ первое русское судно, плывшее по этимъ заповѣднымъ водамъ и проникавшее въ заповѣдную бухту.

Берега едва были видны; мѣстами выказывались группы зелени, мачты джонокъ, но все было далеко, неясно и безформенно; наконецъ, впереди показался берегъ, и мы увидѣли себя въ обширномъ заливѣ: въ глубинѣ его долженъ былъ находиться Эддо, городъ княжества *Му-зиу* или *Музази*, столица Японіи, резиденція *тайкуна* (титულъ, принятый въ послѣднее время сіогуномъ); но глазъ ничего не различалъ, кромѣ низкихъ, отлогихъ береговъ, верхушекъ лѣса, какъ будто выходящихъ изъ воды, и мачтъ джонокъ и судовъ, приподнятыхъ преломленіемъ лучей свѣта. Скоро показались бѣлыя точки зданій, но, показываясь въ различныхъ мѣстахъ, онѣ представлялись нѣсколькими городами, разбросанными по берегу бухты. По мѣрѣ нашего приближенія, всѣ эти раздѣльные города сливались вмѣстѣ, и мы увидѣли широко распространившійся городъ, подковою обхватившій обширную бухту. Надъ домами высилась зелень; а гдѣ ея не было, бѣлые домики, какъ стада, толпились по берегу. Все это было однако такъ далеко, что едва можно было различать строенія, даже въ морскую трубу. Показалось устье рѣки *То-ниакъ*, и абрисъ переброшеннаго черезъ нее моста *Нипонъ-басъ*, а тамъ опять куча строеній, пропадающихъ въ синевѣ отдаленія. Вода залива была желто-мутнаго цвѣта, какъ вообще въ китайскихъ рѣкахъ. Скоро отъ берега отдѣлилось пять насыпныхъ острововъ, на которыхъ устроены правильныя укрѣпленія. Мы стали на якорь близъ перваго, если считать отъ лѣвой руки. Лотъ показывалъ 15 футовъ. Рассказывали, будто между этими батареями проходъ засыпанъ; но это невѣрно, — тамъ и такъ мелко. Отъ нашего якорнаго мѣста до берега было еще около двухъ миль. Ясно различали мы только правильныя

*

осьмистороннія фигуры батарей; за ними городъ тянулся неясною декораціей, на которой мѣшались деревья, дома, джонки, лодки, сады и лѣса; позади всего этого туманъ, а иногда, въ ясный день, показывалась отдаленная цѣпь горъ, отъ которой слѣва отдѣляется конусообразный великанъ Фузи, святая гора японцевъ: къ ней ходятъ на поклоненіе, и изображеніе ея найдете почти на всякомъ лаковомъ подносѣ. Вблизи отъ насъ стояли три японскіе корвета, изъ которыхъ одинъ былъ парусный, а другіе два винтовые: они проданы японцамъ голландцами. Подаренная тайкуну лордомъ Эльджиномъ отъ имени королевы Викторіи, щегольская яхта красовалась тутъ же, но тайкуну, какъ неимѣющему права переступить порогъ своего дворца, эта яхта такъ же нужна, какъ безрукому перчатки. Какъ бѣлая часть ненужныхъ вещей, она плѣняла своею красотой, граціозно выказывая намъ свои легкія формы. Корветы были въ порядкѣ; одинъ изъ нихъ щеголялъ недавно выкрашеннымъ бортомъ и ярковычищенными мѣдными пробками орудій. Съ этого корвета отвалила шляпка и пристала къ намъ. Что за разнообразіе шляпъ было на ея гребцахъ, начиная отъ красиво-выгнутой сверху круглой японской шляпы, до какого-то картуза, по которому иной бы заключилъ, что японцы давно знакомы съ русскими, и что фасонъ картуза заимствованъ у какого нибудь Петрушки!

Пріѣхавшаго офицера спросили: будутъ-ли они отвѣчать на нашъ салютъ? Онъ сказалъ, что японцамъ извѣстенъ обычай европейцевъ выказывать такимъ образомъ уваженіе къ націи, но просилъ не салютовать, потому что у нихъ еще никакого по этому случаю не сдѣлано распоряженія. Вскорѣ пріѣхали чиновники. Во главѣ ихъ былъ второй губернаторъ (по нашему вице-губернаторъ) Эддо; ему-то, кажется, мы и были поручены: послѣ я его видѣлъ при всѣхъ церемоніяхъ. Это былъ худенькій, небольшой

человѣчекъ, съ виду очень изнѣженный и большой болтунъ. Костюмъ его отличался японскою элегантною; нѣкоторыя складки одежды его оттопыривались, другія же легко драпировались на худощавомъ тѣлѣ; верхняя кофта была изъ совершенно-сквозной матеріи, точно паутина; еслибъ ее свѣсить, то она, кажется, не вытянула бы никакого вѣса; съ тонкими ея складками могли сравниться развѣ морщинки гладкаго лица, выражавшаго, вмѣстѣ съ лукавствомъ, много и добродушія. Другіе тоже были какъ-то подъ стать къ этому главному чиновнику; между ними находился мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, также чиновникъ, съ двумя саблями, въ церемоніальныхъ панталонахъ изъ тонкой золотистой шелковой матеріи съ крупными узорами и съ гербами на кофтѣ. Всѣ они хикали и кланялись, но не такъ, какъ бы стали кланяться чиновному японцу, — видна была претензія на европейскіе поклоны! Первое, о чемъ они заговорили, было то, чтобы мы не съѣзжали на берегъ; они-де не ручаются за народъ, еще не привыкшій видѣть европейцевъ (между тѣмъ какъ американскій резидентъ и англійскій консулъ живутъ уже нѣсколько времени въ Эддо). Имъ объявили на-отрѣзъ, что мы у нихъ и спрашивать объ этомъ не станемъ, и двое изъ нашихъ сейчасъ же отправились на берегъ.

При спускѣ нашего флага, на японскихъ корветахъ поднялась суета, и скоро ихъ флаги съ нарисованнымъ на бѣломъ полѣ краснымъ шаромъ, представляющимъ солнце, полетѣли одинъ за другимъ внизъ. «*Пластунъ* нашъ — видно японское флагманское судно», замѣтили клиперскіе остряки.

Вечеромъ, когда мракъ окуталъ окружавшіе насъ предметы, вдали на морѣ показался длинный рядъ слабо-колеблющихся огней; ихъ было такъ много, что сосчитать было бы невозможно; то выѣхали рыбаки ловить на огонь

рыбу. Ночь была безмолвна, какъ и день, потому что городской шумъ не долеталъ до насъ, да и въ городѣ тишина постоянная: въ японскомъ городѣ не шумятъ.

На другой день еще съ утра пріѣхали опять тѣ же чиновники и привезли подарки: двѣ дюжины куръ, корзину съ грушами и персиками, какихъ-то мучныхъ липкихъ лепешекъ, къ которымъ никто не рѣшался прикоснуться, даже макака нашъ помялъ въ лапахъ да и бросилъ. Отдавая подарки, чиновники еще разъ повторили просьбу не ѣздить на берегъ; но имъ окончательно сказали, что будемъ ѣздить, и въ подтвержденіе этого скоро нѣкоторые сѣли на катеръ и отвалили отъ борта.

Держа лѣвъѣ первой батареи, мы оставляли за собой много джонокъ, стоявшихъ на якоряхъ; проѣхали мимо совершенно выгруженнаго, стариннаго голландскаго трехмачтоваго судна, принадлежащаго князю сатцумскому, одному изъ самыхъ независимыхъ феодаловъ Японіи, и вмѣстѣ прогрессисту. На каменномъ основаніи выведены были брустверы, красиво обложенные зеленымъ дерномъ; кругомъ каждой батареи вбиты были въ одинъ рядъ сваи. Пушки закрыты выстроенными надъ ними черными домиками, видными сквозь широкія амбразуры. Въ числѣ этихъ пушекъ, говорятъ, были и тѣ, которыя наше правительство подарило японцамъ съ разбившагося въ Симодѣ фрегата *Дианы*. Между батареями и берегомъ малая вода обнажила какую-то насыпь, можетъ быть будущую батарею, обнесенную кругомъ также сваями; у нѣкоторыхъ деревьевъ привязаны были лодки, хозяева которыхъ, шагая голыми ногами по обсохшимъ мѣстамъ, собирали (въ висѣвшіе на ихъ плечахъ мѣшки) ракушки и раковъ. Рѣдкій японецъ пропустилъ насъ и чего-нибудь не крикнулъ: привѣтствовали это было, или брань, или глумленіе—кто ихъ знаетъ! Наконецъ, безъ усилія и безъ помощи зрительныхъ трубъ можно было разсмотрѣть набережную. Мѣстами она была

сложена изъ крупнаго дикаго камня, мѣстами деревянный частоколь укрѣплялъ, вѣроятно, обваливающийся берегъ. Нѣкоторые домики, прикрывшись со всѣхъ сторонъ деревьями и цвѣтами, смотрѣли веселыми дачами на взморѣ: съ покрытыхъ зеленою дворовъ ихъ спускались каменные ступени къ водѣ, въ которой, пользуясь мелкимъ мѣстомъ, плескалась, я думаю, сотня мальчишекъ и дѣвчонокъ, поднявшихъ страшный шумъ при нашемъ приближеніи. За отлогимъ берегомъ, покрытая зданіями мѣстность становилась холмистѣе, и высокіе кедры, считавшіе своими наслоеніями вѣроятно не одно столѣтіе, величественно распространяли свои изогнутыя вѣтви надъ храмами и пагодами. Покрывавшая самый склонъ холма зелень подстрижена была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ искусно, что смотрѣла совершенно правильною стѣной. Избравъ на-удачу одну изъ многихъ пристаней, мы, черезъ какой-то дворикъ, вышли на улицу, идущую вдоль берега. Не имѣя никакого плана, не зная какихъ-либо опредѣленныхъ пунктовъ, мы рѣшились идти на-удачу. Такого рода прогулки имѣютъ свою прелесть, особенно въ такомъ городѣ, гдѣ для васъ все ново и оригинально. Здѣсь путешественникъ не предупрежденъ, не закупленъ заранѣе восхищаться какимъ-нибудь памятникомъ, съ которымъ связано великое его историческое значеніе. Его не преслѣдуютъ, какъ кошмары, легенды и сказанія, стереотипные похвалы и восторги, сдѣлавшіеся до того приторными, что многіе нарочно не ходятъ смотрѣть то, о чемъ кричали имъ прежніе туристы. Здѣсь онъ, совершенно посторонній зритель, случайно попадаетъ въ водоворотъ двухъ-милліоннаго населенія, видитъ тысячелѣтній городъ, не выстроенный, а выросшій вмѣстѣ съ Японіей, съ ея исторіей и своеобразною цивилизаціей. И вотъ путешественнику предстоитъ удовольствіе отыскивать слѣды японской національности на улицахъ, въ княжескихъ кварталахъ, въ храмахъ, на ли-

цахъ жителей, въ загородныхъ мѣстахъ, на площадяхъ; натурально, на всемъ долженъ быть свой отпечатокъ. Столица Японіи должна имѣть свою физиономію, и поэтому, изучая ее, все равно съ чего бы ни начать. Я былъ въ Эддо пять разъ, въ пяти направленіяхъ осматривалъ его, пѣшкомъ и на лошади, употребляя каждый разъ не меньше дня на прогулку, и, несмотря на это, видѣлъ только небольшую часть его. Чтобы дать возможно-полный отчетъ въ видѣнномъ мною, буду продолжать рассказъ, сознаваясь, что можетъ быть онъ часто будетъ надоѣдать, потому что скучно описывать улицы да улицы, повороты направо и повороты направо; но на улицахъ мы будемъ видѣть японцевъ, народъ очень занимательный и интересный. Улицы, по которымъ мы шли, были торговые. Каждый домъ, деревянный, но выштукатуренный и выкрашенный бѣлою краской, имѣлъ два этажа; нижній занятъ лавкой, въ верхнемъ—или жильѣ хозяевъ, или складочное мѣсто, или наконецъ мѣсто для отдохновенія, гдѣ можно найти что поѣсть и чай. Непрерывная цѣпь лавокъ продолжалась на необозримое пространство и кончалась вмѣстѣ съ городомъ, почтительно обойдя княжескій кварталъ и *Осиро*, замокъ, то-есть центральную часть города, омываемую каналомъ, гдѣ находится дворецъ тайкуна. За то вездѣ, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, во всѣхъ улицахъ и переулкахъ, лавки съ товарами являются на каждомъ шагу, удивляя страшнымъ количествомъ мануфактурныхъ издѣлій. Но, вспомнивъ, что въ самомъ Эддо около двухъ милліоновъ жителей, и что отсюда идутъ товары на всю Японію, перестаешь удивляться этому огромному числу лавокъ. Лавки завалены товарами, необходимыми для ежедневной жизни японца,—соломенной обувью и шляпами, готовымъ платьемъ, желѣзными вещами, оружіемъ, религиозными принадлежностями, съѣстными припасами и зеленью, книгами, картинами, простымъ фарфоромъ. Пройдя

мимо тысячи лавокъ, спрашиваешь себя: гдѣ же эти вещи, такъ хвастливо выставленныя для европейцевъ въ Юкагавѣ? гдѣ эти лаковые экраны и великолѣпныя фарфоры? нужны-ли они для японцевъ, или это только издѣлія искусства, производимыя по вдохновенію, а не по требованію богатыхъ японцевъ? Въ Эддо ихъ не видно; европеецъ можетъ ихъ отыскать, но съ большимъ трудомъ. Самый богатый японецъ также простъ въ своей домашней жизни, какъ и бѣдный. Богатство состоитъ въ количествѣ комнатъ, въ чистотѣ деревянной отдѣлки на столбахъ и перекладинахъ, въ красотѣ лаковой посуды, въ оружіи, да въ бездѣлюшкахъ, въ которыхъ, прибавлю, японцы великіе артисты. Такъ напримѣръ, табачницы ихъ прикрѣпляются къ поясу пуговицей; эти пуговицы составляютъ совершенно-спеціальную отрасль промышленности. Форма ихъ разнообразится до бесконечности; въ нихъ виденъ артистическій талантъ японца и, вмѣстѣ, его нѣсколько юмористическій характеръ: нельзя не сказать, что въ этихъ пуговицахъ много воображенія и вкуса. Пуговица представляетъ то двухъ дерущихся супруговъ, то рыбака, плетущаго сѣть, —выработана даже солома на сандаляхъ и перевитыя пряди веревки; то борца, поднявшаго своего противника, мясистаго толстяка, совершеннаго Фальстафа, на плечи; то медвѣдя, гложущаго человѣческой черепъ; коршуна, рвущаго клювомъ своимъ цаплю. Эти пуговицы называются *нитцки*; дѣлаются онѣ или изъ слоновой кости, или изъ мягкаго темнаго дерева. Нитцки вы найдете вездѣ, особенно въ лавкахъ, напоминающихъ наши мѣняльня, гдѣ фарфоровое блюдо лежитъ рядомъ съ желѣзнымъ шпашкомъ, сабля вмѣстѣ съ старымъ платьемъ; въ хламѣ всякой мелочи непременно отыщете и нитцку.

Едва показались мы на улицѣ, какъ изъ всѣхъ угловъ лавокъ появились коричневыя фигуры япоппевъ, взрослыхъ и дѣтей, старухъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ,

и вмигъ составилаь вокругъ насъ любопытная толпа, впрочемъ очень внимательная и вѣжливая. Дѣти, отъ самыхъ маленькихъ, еще висѣвшихъ за спиною сестренкоь своихъ, и до самихъ носильщицъ, смотрѣли на насъ съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ безотчетнымъ какимъ-то страхомъ. По волненію на этихъ молодыхъ лицахъ нельзя было рѣшить, останется ли это лицо покойнымъ, разразится ли плачемъ, или закричитъ. Нѣкоторыя дѣти были довѣрчивѣе и ясною улыбкою отвѣчали на наши. Старушки съ неменьшимъ любопытствомъ продирались къ намъ. Японская старушка, съ своимъ коричневымъ, сморщеннымъ лицомъ, не уступитъ по оригинальности любой нитцкѣ. Едва выйдя замужъ, женщина начинаетъ красить зубы ѣдкимъ, чернымъ составомъ, заставляющимъ часто ротъ ея принимать неестественное положеніе. Старость выработала на рту, на мѣстѣ всякаго движенія, рѣзкую складку; старуха уже лишилась зубовъ, и губы тоже куда-то исчезли, остались однѣ морщинки, образующія изо рта, при улыбкѣ, форму сердечка. Волосы ея еще черны и блестятъ, благодаря японской помадѣ, но она уже не стыдится обнажить свою, можетъ-быть, нѣкогда прекрасную грудь; жарко ей, и она спуститъ съ худоцаваго плеча широкій рукавъ синяго халата, а иногда и оба, и нецеремонно откинетъ ихъ назадъ. За старушкой протѣснится на улицѣ голая атлетическая фигура молодца, и вы остановитесь передъ чудными узорами татуировки, которыми, лучше всякаго платья, украшена его спина, грудь и руки. Между смѣлыми арабесками синяго цвѣта, вы видите фигуру женщины, воина, сидящаго на конѣ, двухъ сражающихся, или животныхъ и т. д. Кромѣ синяго цвѣта, мѣстами выступаетъ красный, производящій, вмѣстѣ съ третьимъ, естественнымъ цвѣтомъ коричневаго тѣла японца, рисунокъ съ большимъ вкусомъ и очень приятный. На го-

лыхъ господахъ есть однако небольшія синія или голубя повязки; на другихъ, сверхъ того, еще синіе халаты. Множество черныхъ, ясныхъ глазъ съ живостью слѣдятъ за нами. На верхнихъ этажахъ лавокъ, выведенныхъ иногда галереями, съ висящими разноцвѣтными фонарями, показывались дѣвушки, иногда очень хорошенькія; костюмъ ихъ уже измѣнялъ любимому японцами синему цвѣту, а бросался въ глаза или яркимъ, краснымъ, широкимъ поясомъ, или гофрированнымъ крепомъ, также яркаго цвѣта, вылетеннымъ въ черные блестящіе волосы. Оттуда, сверху посылаютъ онѣ нецеремонныя улыбки. Поймавшій эту улыбку, идущій около васъ, японецъ непременно укажетъ пальцемъ по направленію балкона, повторивъ нѣсколько разъ: «Мусумэ, нипон'мусуме!» что значитъ: «дѣвочка, японская дѣвочка!» Иногда ему приходятъ въ душу не совсѣмъ чистыя мысли, которыя онъ выражаетъ мимикой, чѣмъ возбуждаетъ смѣхъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, совершенно понимающихъ въ чемъ дѣло. Иногда же это просто желаніе научить васъ, какъ называется дѣвочка по японски. Встрѣтивъ ѣдущаго верхомъ японца (натурально, если онъ не чиновникъ, — чиновникъ чловѣкъ важный), увидите, что онъ укажетъ на лошадь и непременно скажетъ: «Нипон'ма, то-есть: «по-японски — лошадь.» Это хорошая черта. Предполагающій въ другомъ любознательность, должно-быть и самъ любознательнъ, и въ этомъ нельзя отказать японцамъ.

Рѣдко гдѣ толпа производитъ на первый разъ такое пріятное впечатлѣніе, какъ въ Японіи. Лица всѣхъ такъ выразительны и такъ умны, что вы часто задаете себѣ задачу всматриваться во всѣ лица, съ цѣлю отыскать глупое лицо, и рѣшительно не находите. Я говорю, конечно, о первомъ впечатлѣніи; при болѣе-внимательномъ знакомствѣ съ ними, во многомъ разочаруешься... Вотъ уличный мальчикъ, не отстающій отъ насъ съ самой

пристани; снимите съ него халатъ, и нарядите въ курточку, съ бронзовыми пуговками, и причешите, какъ обыкновенно причесываютъ модныхъ мальчиковъ, — онъ непременно будетъ принадлежать у насъ къ разряду тѣхъ благонравныхъ дѣтей, у которыхъ никогда не увидите ни замаранныхъ рукъ, ни испачканнаго платья. Какъ этотъ мальчишка прилично ведетъ себя! Этотъ тактъ, этотъ *esprit de conduite* нигдѣ не оставляетъ японца, гдѣ бы вы ни встрѣтили его, развѣ тамъ, гдѣ онъ знаетъ, что вы отъ него зависите. Это впечатлѣніе, такъ-сказать, личности ведетъ мало знакомыхъ съ японцами къ ложнымъ заключеніямъ; видятъ въ нихъ народъ съ великимъ будущимъ, замѣчательныя способности и т. п.; но эта сдержанность, выражающаяся приличіемъ, не есть залогъ будущей силы, а только слѣдствіе постоянныхъ колодогъ, въ которыхъ искони находился этотъ народъ; онъ не при началѣ развитія, онъ выжатъ подъ гнетомъ всего прошедшаго, изъ него выдавлены всѣ духовныя силы. Вылимокъ сдѣлался тихъ, не смѣетъ шумѣть; сталъ послушенъ. Онъ приученъ къ смиренію цѣлыми столѣтіями и войнами, которыя сопровождались безчеловѣчными казнями; побѣдители и притѣснители оставляли послѣ себя память тѣхъ ужасовъ, которые были при нихъ дѣломъ увлеченія и которые перешли потомъ въ холодно-административный духъ законовъ, нѣсколько столѣтій управляющихъ Японіей. Народъ сталъ послушенъ и уменъ, но умомъ лукавымъ; едва ли въ какой сторонѣ найдется столько людей, способныхъ къ дипломатіи, какъ въ Японіи; японецъ дипломатъ, когда облеченъ властію, дипломатъ на улицѣ, дипломатъ дома; нѣтъ ни одной фазы его жизни, въ которую бы онъ не вносилъ этого элемента, иногда съ цѣлію, а чаще безъ всякой цѣли, просто по привычкѣ. Японецъ добръ отрицательною добротой; для подвига добра у него нѣтъ нравственныхъ основаній. Его религія,

въ сектахъ которой самъ онъ путается, не налагаетъ на него обязанности любви къ ближнему; она говоритъ о соблюденіи чистоты души, сердца и тѣла, да только черезъ *послушаніе закону разума*, а для японца законы разума—предержанія власти. Совѣсть свою онъ успокоиваетъ, если даже она и потревожится отъ недостатка добрыхъ дѣлъ, сохраненіемъ священнаго огня, символа чистоты и просвѣтлѣнія, или соблюденіемъ праздниговъ, которыхъ у него не меньше нашего, да, въ крайнемъ случаѣ, путешествіемъ къ святымъ мѣстамъ (обыкновенно въ храмъ *Тэн-сіа-даи-цзю*, въ Изіа, гдѣ, говорятъ, родилась богиня солнца).

Мѣстами, гдѣ толпа слишкомъ сгустилась, появлялись полицейскіе съ длинными желѣзными палками, на верху которыхъ придѣлано нѣсколько свободно' двигающихся, также желѣзныхъ, колець, сотрясеніемъ своимъ производящихъ звукъ, похожій на звукъ цѣпей. Палкой ударяютъ по землѣ, кольца запрыгаютъ, и звукъ этотъ, хорошо знакомый японцамъ, разгоняетъ толпу. Полицейскіе на каждомъ шагу; они составляютъ родъ національной стражи. Часто видишь полицейскаго въ короткой темносиней рубашкѣ, съ крупными бѣлыми арабесками и съ краснымъ гербомъ какого нибудь князя на спинѣ, а иногда совсѣмъ голаго, только съ небольшою тряпичкой; иногда это мальчикъ; а иногда почтенный старичокъ, едва идущій. Японцы къ этимъ желѣзнымъ палкамъ имѣютъ, кажется, такое же уваженіе, какъ англичане къ палочкѣ полисмена.

Но вотъ площадь; ее прорѣзываетъ неширокій каналъ; берега его не обдѣланы каменною набережной; они зеленѣютъ травой; мѣстами видно и деревцо, и кустарникъ, черезъ каналъ перекинулся мостъ. Справа, на большомъ возвышеніи, глухо-заросшій садъ; исполинскія его деревья вѣтвями и листвою охватили широкій холмъ, и въ этой

тѣнистой сѣни кое-гдѣ мелькнетъ то бѣлая стѣнка строенія, то зубчатая башня пагоды, соперничающая съ маститыми кедрами и дубами. Сколько лѣтъ считаетъ себѣ этотъ садъ, сколько времени протекло подъ его постоянно-заманчивою тѣнью! Къ этимъ разросшимся садамъ какъ-то идетъ слово «дѣдовскій». Сами японцы посвящаютъ эти сады храмамъ, въ которыхъ поклоняются предкамъ. Религія Синто есть поклоненіе высшему, по всему міру распространенному существу, столь великому, что къ нему нельзя обращаться непосредственно; поклоненіе идетъ чрезъ 492 духовныя существа или ангела, и чрезъ 2640 святыхъ, или канонизированныхъ, достойныхъ людей, оставившихъ имя свое или въ исторіи, или въ преданіи... Ихъ-то изображенія видны въ безчисленныхъ японскихъ храмахъ, имъ-то собственно поклоняются.

Намъ очень захотѣлось дойти до этого сада, такъ заманчиво глядѣвшаго своими развѣсистыми дубами; но невидимая рука затворила предъ нами ворота, и мы должны были поневолѣ идти прочь. Послѣ мы узнали, что здѣсь храмъ, въ которомъ сооружаютъ гробницу умершему въ прошломъ году тайкуну, и что строжайше запрещено впускать туда европейцевъ.

Нечего было дѣлать—опять пошли по торговымъ улицамъ, встрѣчая ту же толпу, тѣхъ же полицейскихъ. Иногда встрѣчались тяжелыя двухколесныя фуры, запряженныя огромными быками, мускулистыя формы которыхъ напоминали лучшую голландскую породу; встрѣчались тѣ же фуры, везомыя голыми людьми, которые кадансированными криками облегчали себѣ физическій трудъ. Попадались чиновникъ верхомъ или въ *норимонъ* (носилкахъ); чѣмъ важнѣе онъ, тѣмъ многочисленнѣе его свита; увидѣть такого чиновника въ Хакодади—эпоха, какъ, въ былое время, увидѣть кавалергарда въ Москвѣ, а тутъ они, то-есть важные чиновники, на каждомъ шагу. Если

чиновникъ изъ мелкихъ, то впереди идутъ человѣка три, да съ боковъ человѣкъ по пяти; одни несутъ высокіе значки, другіе лакированные сундуки съ дѣлами; самъ же онъ ѣдетъ верхомъ, лошадь въ парадномъ сѣдлѣ, грива за ушами связана нѣсколькими стоящими кверху кисточками, а на копытахъ синіе чулки и соломенные сандали; на крупѣ широкая раковина, вызолоченная и съ кистями какъ у древнихъ рыцарей, а хвостъ въ голубомъ мѣшкѣ; вездѣ, гдѣ можно, на уздѣ, нагрудникѣ,—кисти и украшенія. Стремя выгнуто широкимъ крючкомъ и все выложено мозаикой. Это еще не важное лицо, но по количеству несомыхъ сзади сундуковъ съ дѣлами можно судить о степени его важности. Иногда свита доходитъ до ста человѣкъ, а если это въѣзжающій въ городъ князь, то до пяти и десяти тысячъ. Но тамъ уже цѣлая процессія. Идутъ одинъ за другимъ, въ парадныхъ платьяхъ, стрѣлки, охотники, арбалетчики (вооруженные большими луками и болчанами). Отряды раздѣляются верховыми. Кромѣ дѣлъ, несутъ вещи, подарки, принасы; нѣкоторые берутъ съ собою даже запасные гробы, неравно случится умереть дорогой. Всякій верховой непременно чиновникъ, и при немъ своя свита: оруженосецъ несетъ саблю, другой вѣрь, третій шляпу. Я видѣлъ подобную процессію,—въѣзжалъ повѣренный матцмайскаго князя въ Хакодади. Это шествіе годилось бы въ любой балетъ, со всѣми костюмами, значками, сѣдлами, луками и пестротой общаго вида. Кромѣ чиновничьихъ норимоновъ, крытыхъ носилокъ, иногда превосходно отдѣланныхъ плетеною соломой и лаковымъ деревомъ, встрѣчаются открытыя носилки, *каю*; ихъ нанимаютъ, какъ нашихъ извозчиковъ. По два дюжихъ голыхъ японцевъ просто бѣгутъ съ этими носилками.

Но вотъ еще процессія, часто попадающаяся на улицѣ. Впереди несутъ, на высокихъ палкахъ, два бумаж-

ные, незажженные фонаря. Идетъ бонзъ съ бритою головою и съ перекинутою черезъ одно плечо шелковою мантией свѣтлаго цвѣта; за нимъ, на носилкахъ, несутъ цилиндрическую бочку, завернутую въ бѣлую простыню; надъ ней небольшой деревянный балдахинъ и много вырѣзанныхъ изъ бумаги цвѣтовъ,—это несутъ гробъ. За гробомъ толпа родственниковъ, въ новыхъ платьяхъ; головы повязаны бѣлыми платками, въ знакъ траура. Покойника приносятъ въ храмъ и ставятъ передъ входомъ, противъ алтаря. Около него зажигаютъ свѣчи и ставятъ скатанные изъ муки шарики; главный бонзъ садится напротивъ, спиною къ алтарю, другіе помѣщаются въ два ряда по обѣимъ его сторонамъ, и начинается служба. Монотоннымъ голосомъ бонзы поютъ молитвы, растирая въ рукахъ чотки и прикладывая сложенные руки къ груди. По временамъ ударяютъ въ колоколь, и равномерный звукъ его даетъ какой-то правильный ритмъ служенію. Иногда зазвенитъ маленькій колокольчикъ, сливаясь своимъ рѣзкимъ звукомъ съ носовымъ пѣніемъ бонзъ, и снова ударъ колокола напомнитъ о нарушенномъ ритмѣ. Слабые нервы отъ этого скоро раздражаются, словно даютъ вамъ нюхать что-то одуряющее: чувствуешь и безотчетную грусть, и что-то неловкое въ груди, точно тамъ что-то колеблется,—таково дѣйствіе этихъ звуковъ. Есть сказка о существованіи гармоники, съ стеклянными колокольчиками, приводившей нѣкоторыхъ въ изступленіе; впечатлѣніе похоронной службы японцевъ напоминаетъ эти гармоники. Но вотъ служба кончилась; бонзы, сдѣлавъ свое дѣло, идутъ домой. Гробъ разоблачаютъ отъ украшавшихъ его бумажныхъ цвѣтовъ; по цвѣтку беретъ себѣ каждый изъ родственниковъ, покойника ставятъ въ крытый нори-монъ и несутъ на кладбище. Тамъ его сжигаютъ. Не одинъ разъ приходилось и мнѣ быть при сожженіяхъ; гробъ обкладываютъ дровами и стружками, разводится огонь съ

помощію бросаемыхъ родными на костеръ зажженныхъ бумажныхъ цвѣтовъ: этимъ родные исполняютъ послѣдній долгъ покойнику и уходятъ... Съ костромъ остается только одна личность, могильщикъ по нашему, вѣроятно сожигатель — по японски. Мрачное, хотя и при свѣтѣ огня, занятіе его, вѣроятно, и въ немъ развиваетъ характеръ, напоминающій шекспировскаго и вальтеръ-скоттовскаго могильщиковъ; я даже помню одну такую личность въ Хакодади; онъ былъ, конечно, совершенно равнодушень къ дѣлу и часто смѣлся не знаю чему. Но вотъ огонь добрался до бочки, часть ея сгараеть, и втиснутый туда трупъ разгибается и поднимаетъ между горящими полѣньями свою обгорѣлую голову. Оставайтесь до конца, и вы увидите весь процессъ, въ продолженіи котораго человѣкъ становится прахомъ, углемъ, золой... Пепель относится къ родственникамъ, которые еще 40 дней держатъ его дома и потомъ уже закапываютъ гдѣ-нибудь по близости храма. Этотъ родъ погребенія называется *кнзо*. Но не всѣхъ японцевъ жгутъ; нѣкоторыя секты закапываютъ покойниковъ въ землю какъ у насъ (дозо), и наконецъ, нѣкоторыхъ бросаютъ въ море (сонзіо). Въ старину сожигали домъ умершаго, теперь довольствуются очищеніемъ его молитвами и куреніемъ благовоній. Трауръ продолжается у однихъ годъ, у другихъ сорокъ дней, въ продолженіи которыхъ ежедневно посѣщаютъ могилу. На пятидесятый день ставится памятникъ; мужчины сбриваютъ бороды, отпущенныя во время траура, и отдаютъ благодарственный визитъ участникамъ въ похоронахъ. Въ продолженіи пятидесяти лѣтъ дѣти посѣщаютъ въ новый годъ могилу родителей.

Посреди встрѣчающейся толпы вы видите разнощико-
въ, дребезжащихъ голосомъ предлагающихъ свой то-
варъ; странствующихъ монаховъ, собирающихъ мило-
стыню; монаховъ вы узнаете по большой круглой соло-

менной шляпѣ и по мѣдной чашечкѣ, висящей у нихъ на поясѣ, въ которую они бьютъ молоточкомъ; въ томъ же костюмѣ ходятъ и странствующие монахины. Говорятъ, будто онѣ составляютъ родъ нищенствующей общины, живутъ въ горахъ надалеко отъ Міако, и молодые изъ нихъ выманиваютъ у проѣзжающихъ деньги часто тѣмъ же способомъ, какъ индѣйскія баядерки. Пустынники, живущіе въ горахъ, называются *яма-бусэ*; ихъ секта примыкаетъ къ буддаическимъ сектамъ; только они женятся и ѣдятъ мясо.

Часто встрѣчаются огромныя лошади, тяжело навьюченныя, рабочіе, дѣти, собаки, и, несмотря на страшное населеніе, вездѣ просторно, нигдѣ не видишь накопленія народа, какъ, напримѣръ, въ китайскомъ городѣ, съ его неизбѣжными спутниками—вонью и грязью. Здѣсь улицы, убитыя пескомъ и щебнемъ, просторны; кромѣ того, обширныя мѣста, принадлежація храмамъ и князьямъ, покрыты сплошными садами, иногда занимающими такое пространство, что, кажется, въ границахъ одного того мѣста можно было бы выстроить цѣлый городъ. Эти сады постоянно свѣжестью и тѣнью оживляютъ городъ; ихъ, какъ парки Лондона, можно назвать легкими города Эддо.

Скоро мы свернули въ княжескій кварталъ: лавки прекратились, потянулись сплошныя стѣны длинныхъ однообразныхъ зданій, очень чистыхъ снаружи, но скучныхъ по своей безформенности и правильности. Улицы педантически чисты. Каждый князь (*когъ-сіу*, повелители земли) имѣетъ въ Эддо отдѣльное, ему принадлежащее, мѣсто, обнесенное со всѣхъ четырехъ сторонъ двухъ-этажными зданіями, выштукатуренными снаружи бѣлымъ стуккомъ, и замыкающими собою, какъ стѣнами острога, все внутреннее жилье. У каждаго живетъ по нѣскольку тысячъ прислуги, войска, свиты, нахлѣбниковъ, блюдолизовъ,

женъ и проч. Все это имѣетъ свои дома, сады, храмы, и существуетъ для одного лица, владѣнія котораго въ городѣ ограничены описаннымъ мною зданіемъ, гдѣ живетъ прислуга; сквозь окна, съ крѣпкими деревянными рѣшетками, видны, точно колодники, ихъ обитатели. Иногда выгянетъ хорошенькая *мусуме*, иногда старческое лицо солдата, иногда испорченная золотухой дѣтская головка. Кругомъ зданія идетъ ровъ, наполненный водой, такъ что всякій князь можетъ, пожалуй, выдержать осаду. Входомъ служатъ всегда великолѣпныя ворота, часто выведенныя всѣ подь лакъ, съ бронзовыми украшениями, съ гербомъ князя и изображеніемъ трехъ листьевъ, эмблемы власти. Въ архитектурѣ воть нѣсколько разыгрывается воображеніе зодчаго. Но отсутствіе всякой кривой линіи, въ стремящихся кверху частяхъ зданія, даетъ имъ видъ какой-то форменности, какъ языку нашихъ официальныхъ бумагъ.

Вся Японія, въ полномъ смыслѣ слова, феодальное государство, дѣлится на 604 отдѣльныя княжества, большія и маленькія, съ ихъ владѣніями, провинціями и городами. Князей два разряда. Одни, *высокодостопочтенные*, ведущіе свое начало со временъ глубокой древности; они примыкаютъ къ микадо и составляютъ представителей древней Японіи; другіе просто *достопочтенные*, происхожденія недавняго, окружающіе тайкуна, и получившіе княжеское достоинство въ награду за поддержаніе власти тайкуна; въ ихъ-то рукахъ находится все управленіе Японіей. Изъ нихъ составляется верховный совѣтъ, между тѣмъ какъ высокодостопочтенные заботятся о сохраненіи чистоты языка «ямато», древне-японскаго, проводятъ жизнь въ процессіяхъ и церемоніяхъ, и сочиняютъ стихи. Достоинство князя наследственно. Государственный совѣтъ состоитъ изъ пяти князей и восьми благородныхъ лицъ. Каждый изъ членовъ имѣетъ свое отдѣленіе. Всѣ обще-

*

ственные случаи представляются на рѣшеніе этого совѣта. Онъ утверждаетъ казни, назначаетъ сановниковъ и постоянно находится въ сношеніяхъ съ провинціальными властями. Послѣ зрѣлаго обсуждения, окончательное рѣшеніе предоставлено тайкуну, который большею частію согласенъ съ мнѣніемъ совѣта; въ случаѣ же несогласія собирается особенный, высшій совѣтъ, въ которомъ обыкновенно участвуетъ наслѣдникъ престола, если онъ совершеннолѣтній. Рѣшеніе этого совѣта непреложно. Если оно противно мнѣнію тайкуна, то послѣдній долженъ отказаться отъ престола въ пользу наслѣдника и удалиться въ одинъ изъ многихъ замковъ, принадлежащихъ его роду, гдѣ онъ и ведетъ частную жизнь. Въ противномъ случаѣ, то-есть, если онъ не захочетъ удалиться, слѣдствія бываютъ хуже: судьи, горячѣе всѣхъ защищавшіе свое мнѣніе, а иногда и цѣлый совѣтъ, присуждаются къ *хара-кири*, то-есть должны себѣ распоротъ брюхо (*). Политика тайкуна состоитъ, какъ кажется, въ томъ, чтобы съ осторожностію наблюдать надъ силой всякаго удаленнаго князя и временными кровопусканіями сдерживать ихъ въ извѣстныхъ границахъ. Князьямъ вмѣняется въ обязанность, черезъ годъ или каждый годъ по шести мѣсяцевъ, жить въ Эддо, гдѣ семейства ихъ живутъ постоянно, въ залогѣ. Князья связаны строгими церемоніями, могутъ только на извѣстное время, и то подѣ присмотромъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, оставлять двор-

(*) *Хара-кири* значитъ «счастливое разлученіе». Такъ какъ въ Японіи казнь налагаетъ на семейство преступника стыдъ, и имѣніе подвергается конфискаціи, то вслѣдствіе порядочный японецъ, совершивъ преступленіе, достойное казни, долженъ избавиться отъ нея самоубійствомъ. Осужденный собираетъ вокругъ себя все семейство, прощается съ нимъ и вспарываетъ себѣ брюхо коротенькимъ ножомъ, который каждый припасаетъ себѣ для такого случая; въ то же время оруженосецъ его перерѣзываетъ ему горло. Этимъ способомъ преступленіе очищается, и память объ умершемъ сохраняется, какъ о благородномъ и храбромъ японцѣ.

цы свои, гдѣ они всегда окружены шпионами, доносящими объ ихъ малѣйшихъ дѣйствіяхъ въ Эддо. Наблюдается, чтобы два пограничные князя не были въ одно время дома; слѣдятъ за возрастаніемъ ихъ матеріальнаго богатства, положить предѣлы которому всегда есть средства. Такъ, вмѣняется князьямъ въ обязанность содержаніе войскъ; князья Фитценъ и Тсикузенъ должны содержать на свой счетъ цѣлый портъ. Всякій князь, во время своего пребыванія въ Эддо, обязанъ истрачивать большія деньги. Тайкунъ пошлетъ ему какой-нибудь незначительный подарокъ, князь долженъ отвѣтить богатѣйшимъ. Бѣлая цапля, собственноручно пожалованная тайкуномъ, получившему этотъ подарокъ обходится почти въ половину имѣнія. Если же всѣ эти средства недостаточны, князь все еще силенъ и имѣетъ вліяніе, то прибѣгаютъ къ послѣднему: тайкунъ называется къ своей жертвѣ въ гости, или доставляетъ ему отъ микадо какое-нибудь почетное и высокое мѣсто; издержки на угощеніе великаго гостя истощаютъ въ-ронецъ богатѣйшее имѣніе, а промотавшійся князь поступаетъ въ свою очередь такимъ же образомъ съ своими вассалами, которые также не остаются въ долгу у нижестоящихъ...

Надъ жизнію и смертію князя тайкунъ не имѣетъ права; но онъ можетъ принудить микадо заставить князя отказаться отъ княжества въ пользу своихъ наслѣдниковъ. Князь въ своей провинціи имѣетъ право надъ жизнію и смертію своихъ подданныхъ, между тѣмъ какъ губернаторы, назначаемые отъ правительства, ожидаютъ на это рѣшенія изъ Эддо.

Между широкими улицами княжескаго квартала, часто попадаются площадки, на которыхъ торчатъ переносныя лавчонки мелкихъ торговцевъ; тутъ странствующій дантистъ съ готовыми челюстями (скажу между прочимъ, что японцы не дергаютъ зубовъ, а выбиваютъ ихъ); тутъ

натуралистъ-японецъ съ коллекціями бабочекъ, съ маленькими звѣрьками и разными курьезными вещами: у него жукъ, посаженный подъ увеличительное стекло, смотритъ японскимъ монахомъ; другой, у котораго видны только четыре переднія ноги, — совершенный быкъ. Для какой нибудь пестрой мыши устроена деревянная башенка, а сверху вставленъ калейдоскопъ; смотришь, и сотни мышей бѣгають передъ глазами въ различныхъ направленьяхъ. Тутъ столы съ книгами и разными старыми вещами. Одна изъ главныхъ площадей сжимается въ узкій переулокъ, который нѣсколькими поворотами идетъ подъ гору; слѣва крутой подъемъ на гору, весь покрытый разросшеюся зеленью, въ тѣни которой вьется кверху каменная лѣстница; нѣсколько камней вывалилось уже изъ ея ступеней; она ведетъ подъ тѣнь высокихъ деревьевъ, гдѣ видно довольно большое кладбище.

«Я вѣрю, здѣсь былъ грозный храмъ!» а теперь одиѣ развалины, слѣды страшнаго землетрясенія 1855 года, которые здѣсь часто встрѣчаешь. По верху этой горы, далѣе идетъ цѣлый рядъ капищъ и храмовъ. Мы повернули черезъ улицу, состоявшую изъ превосходныхъ магазиновъ, наполненныхъ предметами роскоши и удовольствія съ различными цвѣтными звенящими стеклами, съ вышитыми подушками, фарфорами, разрисованными обоями на шелковой матеріи и на бумагѣ, съ книгами и иллюстрированными изданіями; этою улицей вышли мы на другую большую улицу, которая здѣсь была гораздо шире, нежели въ своемъ началѣ; по ней, вѣроятно на каждой сотнѣ саженой, были ворота; они раздѣляютъ кварталы. У каждыхъ воротъ смѣнялись при насъ полицейскіе, съ своими звенящими палками, и провожали насъ до слѣдующихъ воротъ. Дома по обѣимъ сторонамъ улицы были новые, лавки больше прежнихъ; это потому, что вся она сгорѣла отъ показавшагося изъ разступившейся земли пламени во время того

же землетрясенія. При каждахъ воротахъ, лавочки съ прохладяющими напитками и плодами и небольшой фонтанчикъ; иногда какая-нибудь игрушка, — модель мельницы, приводимой въ движеніе водой изъ бассейна, и т. п. Насъ провожала все та же толпа, и если она уже слишкомъ напирала, то ворота, какъ мы ихъ только проходили, затворялись, и такимъ образомъ отрѣзывали отъ насъ нашихъ преслѣдователей.

Но надобно было подумать и объ обѣдѣ. Мы вошли въ первую лавку, которая показалась намъ похожею на трактиръ. Въ передней комнатѣ, у очага, сидѣли хозяева. Посуда и большія фарфоровыя блюда красовались на полкахъ. Видна была кухонная суета, сопровождаемая запахомъ приготовляемыхъ кушаньевъ. У насъ обыкновенно комнаты для гостей выходятъ на улицу, а кухня помѣщается гдѣ нибудь сзади; у японцевъ, напротивъ, сначала кухня со всею своею страпней, впрочемъ чрезвычайно опрятною. Насъ повели назадъ, гдѣ, въ продуваемой со всѣхъ сторонъ комнатѣ, на мягкихъ циновкахъ, мы съ наслажденіемъ растянулись послѣ четырехъ-часовой ходьбы подъ сильно припекающимъ солнцемъ. На жаръ мы не смѣли жаловаться; жарившись недавно подъ экваторомъ, мы легко могли терпѣть жаръ подъ 35° с. ш. А правда, было и здѣсь очень жарко.

Зная довольно хорошо составъ японскаго обѣда, мы старались, по возможности, придать ему болѣе европейскій характеръ. Голодъ руководилъ нами, а не любознательность. Заказаны были яйца, крабы, ширмпсы, которые здѣсь такъ хороши, что иной любитель покушать нашель бы, что стоить съѣздить въ Эддо собственно для того, чтобы поѣсть ширмпсовъ, плоды, *кастера*, — родъ японскаго сладкаго хлѣба изъ кукурузной муки, также очень вкуснаго. Пока все это готовилось, мы пили чай изъ маленькихъ чашечекъ, безъ сахара. Чай былъ очень

ароматенъ и едва настоянъ; пока не привыкнешь къ такому чаю, на него смѣтришь съ презрѣніемъ, и дѣйствительно, что за чай безъ сахара, безъ булокъ, даже безъ ложечки и блюдечка, да еще жидкій! но, впившись въ него, съ удовольствіемъ проглотишь нѣсколько чашечекъ душистаго напитка, удивительно утоляющаго жажду и вообще реставрирующаго человѣка. Толпа, преслѣдовавшая насъ на улицѣ, не оставляла и здѣсь. Самые любопытные проникли въ трактиръ, но ихъ скоро удалили; другіе расположились по сосѣднимъ дворамъ, по крышамъ, всѣ старались посмотрѣть на насъ!.. Любопытство очень понятное, для нихъ мы были то же, что какіе-нибудь краснокожіе у насъ среди Адмиралтейской площади. Намъ прислуживали двѣ молоденькія дѣвочки, которыя, наклоняясь корпусомъ впередъ, очень проворно бѣгали съ чайниками и съ огромными блюдами, заваленными шримпсами; мы ѣли шримпсы съ японскою соей и запивали чаемъ. вмѣсто ликеру выпили по маленькой чашечкѣ теплой «саки», рисовой водки, довольно вкусной. послѣ обѣда, мы снова отправились въ наше туристское странствованіе, имѣя цѣлью отыскать большой *Японскій мостъ* (Нипонъ-басъ), отъ котораго въ Японіи считаются всѣ разстоянія. О мѣстѣ его нахождения мы имѣли смутное понятіе. Мальчигъ, не оставившій насъ съ самой пристани, на мои разспросы по-русски, отвѣчалъ на японскомъ языкѣ, вѣроятно удовлетворительно, и, руководствуясь этими показаніями, мы шли далѣе по улицѣ, считая за собою кварталъ за кварталомъ, ворота за воротами, и останавливаясь иногда у нѣкоторыхъ лавокъ, поражавшихъ насъ или богатствомъ вещей, или чѣмъ-нибудь особеннымъ. Мы входили въ часть города, изрѣзанную каналами, которые, идя другъ къ другу параллельно, подъ прямымъ угломъ, впадали въ рѣку Тоніакъ, довольно широкую (400 туазовъ) и раздѣляющую Эддо на двѣ не совсѣмъ

равныя половины. Черезъ каналы шли мосты, изъ кедроваго дерева; на тумбахъ были бронзовыя верхушки въ видѣ шаровъ, или пламени. Третій, по нашему счету, каналъ былъ шире другихъ; мостъ, шедшій черезъ него, былъ длиннѣе; на водѣ качалась бездна шлюпокъ, изъ которыхъ однѣ, украшенныя хорошенькими балдахинами, напоминали гондолы; другія, толкаясь длинными шестами, несли грузъ; третьи, болѣе легкія, съ обрѣзанною кормой, быстро мчались по теченію. Гребцы управлялись двумя большими веслами съ кормы, повертывая ихъ во всѣ стороны, какъ дѣйствуетъ перо винта. Мы стали нанимать шлюпку. Медленность японцевъ напомнила намъ наши почтовые станціи. Невольно вообразишь какъ ямщикъ «побѣжалъ» за дугой, потомъ забылъ рукавицы, тамъ кнута нѣтъ; сидишь, испытывая безконечное нетерпѣніе; то же и здѣсь: ждали у лодочника въ домѣ добрыя полчаса, пока бѣгали за весломъ, за веревочкой, за циновками. Отъ скуки мы смотрѣли по сторонамъ. Въ каналѣ много купалось; какой-то мальчишка залѣзъ въ кадку и, гребя руками, плылъ себѣ очень покойно; другой прицѣпился къ доскѣ, иные плескались въ водѣ, какъ утки, на мелкомъ мѣстѣ. Интересно все это было для насъ, но мы для японцевъ были интереснѣе; столько собралось народу по набережной, по стоявшимъ у береговъ лодкамъ, что у насъ подобное стеченіе можно видѣть развѣ при какихъ нибудь торжественныхъ праздникахъ. Если случайно вскрикивалъ какой нибудь мальчишка, другіе подхватывали, и страшный крикъ, поднятый безотчетно всею толпой, потрясалъ воздухъ. Прикрывшись зонтиками, плыли мы, сопровождаемые криками и народомъ, прибывавшимъ съ каждаго двора, изъ каждаго переулка. Наше положеніе было нѣсколько странно, но не лишено интереса. По каналу тѣснились зданія, обращенныя къ нему заднею стороною; глухія стѣны были выштукатурены и

выкрашены бѣлою краской. Вездѣ видна была дѣятельность: нагружались у складочныхъ магазиновъ суда; другія, уже нагруженные, толкались длинными шестами; иногда насъ обгоняла лодка съ красивымъ навѣсомъ, и тамъ мы успѣвали разсмотрѣть чиновника, какъ онъ сидитъ и дѣлаетъ кейфъ, курия изъ коротенькой трубочки. Въ каналъ впадало нѣсколько другихъ; мы часто подходили подъ мосты, почти ломившіеся подъ тяжестью толпы. Съ одного мѣста полетѣло въ насъ два камня, но оба упали въ воду. Это возбудило негодованіе стоявшихъ вблизи; но мы не показали вида, что замѣтили.

Но вотъ наконецъ и рѣка, и мостъ, перекинутый черезъ нее. Постройка та же, что и маленькихъ мостовъ: тѣ же сваи, тѣ же контрфорсы, только этотъ гораздо больше; длина его въ 400 туазовъ. Онъ весь изъ кедроваго дерева, и бронзовыя головки его деревянныхъ тумбъ бросаются въ глаза своею массивностію. Вверхъ по рѣкѣ виднѣлось еще нѣсколько мостовъ, похожихъ на первый (всѣхъ мостовъ черезъ рѣку четыре); который же Японскій мостъ? Дорога назадъ вышла гораздо короче; мы подплыли опять къ той длинной улицѣ, по которой шли, и не покидали ея до самой пристани. Уже темнѣло; въ лавкахъ зажглись бумажные фонари; мракъ скрадывалъ прозаическую обстановку улицы, съ ея голыми обитателями; все тускло освѣщалось фантастическимъ свѣтомъ разноцвѣтныхъ фонарей; за зданіями безмолвствовали сады и деревья, наступала ночь. Отыскать нашу пристань было довольно трудно; но надъ нами не дремалъ нашъ добрый геній, японская полиція; съ перваго шага на берегъ мы уже были подъ надзоромъ, который здѣсь оказался очень полезнымъ. Изъ какого-то домика вышелъ чиновникъ, одѣтый щеголевато, съ лицомъ и движеніями, выразившими порядочность; онъ вызвался указать намъ пристань, которая была въ двухъ шагахъ.

Въ заливѣ не было такъ спокойно, какъ на улицѣ; до-

вольно рѣзкій вѣтеръ дулъ съ моря, и волненіе его съ шумнымъ прибоемъ непривѣтливо ворчало у берега; шлюпки нашей еще не было. Мы подняли на высокой палкѣ фонарь, а предупредительный полицейскій распорядился, чтобы насъ оцѣпили веревкой отъ любопытной толпы, напиравшей теперь на насъ, велѣлъ принести скамеекъ и приставаль, чтобы мы взяли японскую лодку; въ его любезности была тайная цѣль—отдѣлаться отъ насъ поскорѣе, а то, неровенъ часть, случись съ нами что-нибудь, ему пришлось бы отвѣчать. Вѣтеръ свѣжѣлъ, а шлюпки еще не было. Наконецъ изъ темноты, какъ тѣнь, показался знакомый образъ нашего катера; на нашъ окликъ, слабо прорываясь сквозь шумящій вѣтеръ, долетѣлъ пріятный отзывъ «есть!» Японецъ такъ былъ доволенъ, что далъ намъ на дорогу грушъ и персиковъ въ видѣ подарка, точно тетюшка, провожающая племянничковъ, и мы разстались съ нимъ большими друзьями. Забылъ сказать еще, что насъ съѣхало на берегъ шестеро; но трое, не столько ретивые, какъ мы, вернулись на клиперъ еще днемъ, и ихъ какъ-то просмотрѣли. Представьте недоумѣніе полицейскаго: куда дѣвались еще трое? еслибъ имъ сказать: не знаемъ, то полиція подняла бы все Эддо на ноги, отыскивая ихъ!

«Что же вы видѣли въ Эддо, стоить ли ѣхать?» вотъ вопросы, которыми засыпали насъ на клиперѣ и на которые отвѣчать всегда довольно затруднительно. Стоить ли? По моему, стоить, а для васъ—не знаю.

«Господа, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ паесомъ, я видѣлъ городъ, имѣющій около двухъ милліоновъ жителей; городъ, существующій, можетъ-быть, тысячу лѣтъ; самое замѣчательное, что я видѣлъ сегодня—это Эддо!»

Если народъ, богатый внутреннимъ содержаніемъ своей исторіи, въ своемъ плодотворномъ развитіи оставляетъ слѣды полной жизни въ монументальныхъ памятникахъ Колизея, Кельнскаго собора, Ватикана, Лувра, то другой

народъ, идя своею дорогою, хотя и въ противоположную сторону, также долженъ выработать себѣ форму, видимую и въ этихъ прямолинейныхъ зданіяхъ, и въ храмахъ, скрытыхъ сплошною зеленью, и въ таинственности своихъ дворцовъ, которыхъ никто не смѣетъ видѣть, и въ костюмахъ, и въ длинныхъ процессіяхъ; въ двухъ знакомыхъ, кланяющихся другъ другу въ ноги со втягиваніемъ въ себя воздуха; въ свитѣ чиновника, немогущаго просто перейти изъ дома въ домъ, а таскающаго съ собою цѣлую процессію; въ окрашенныхъ черною краской зубахъ замуженной женщины; въ красиво-татуированныхъ тѣлахъ народа. Эта самобытная форма является здѣсь повсюду, начиная отъ таинственнаго, недоступнаго глазу смертнаго, дворца тайкуна, до факира, сожигающаго себѣ руку среди площади. Не вина города, если онъ не можетъ исполнить требованій нѣкоторыхъ прихотливыхъ людей! Такъ, одни не рѣшаются съѣхать на берегъ, боясь остаться голодными, не хотятъ ничего видѣть дальше гостиницы; тамъ, гдѣ есть рестораны, они охотно *путешествуютъ*, какъ будто можно назвать путешествіемъ перемѣщеніе себя отъ пристани до трактира. У ресторана будешь ѣсть то же, что и въ Петербургѣ, не ѣздивъ такъ далеко. Есть еще туристы, которые смотрятъ на вещи, такъ-сказать, съ гостинодворческой точки зрѣнія: въ Эддо, на примѣръ, нельзя достать такихъ вещей, какъ въ Юкагавѣ (и это несправедливо; труднѣе только отыскивать), да и шелковыя матеріи дороже, слѣдовательно въ Эддо и ѣхать не стоить.

6-го августа. Съ самаго утра чиновники осаждаютъ клиперъ. У насъ сидитъ нашъ консулъ, и имъ до него безпрестанно дѣло. Вопросъ идетъ о квартирѣ для графа Муравьева; надо выбрать, посмотрѣть. Какъ пропустить такой случай?—и я присоединился, въ качествѣ свидѣтеля. Японецъ (вице-губернаторъ, тотъ же, что былъ вчера) сѣлъ съ нами въ катеръ и все время занималъ насъ раз-

говорами. Онъ говорилъ, что въ Эддо миллионъ домовъ и до пяти миллионъ жителей; городъ занимаетъ пространство 10 ри (1 ри равняется $2\frac{1}{2}$ верстамъ) въ длину и 10 ри въ ширину. Цѣнность найма земли колеблется отъ 10 зени ($2\frac{1}{2}$ коп.) до 12 ицибу (ицибу—43 коп.) за квадрат. сажень въ годъ. Каждый день приходитъ въ Эддо 10 000 человѣкъ и столько же уходитъ. Всѣ эти цифры довольно вѣрны, за исключеніемъ преувеличеннаго числа народонаселенія. Вѣроятно, японцы такъ же считаютъ, какъ китайцы, у которыхъ человѣкъ записывается и по мѣсту, гдѣ родится, и по мѣсту, гдѣ служитъ, или куда переѣдетъ на жительство; вотъ почему народонаселеніе увеличивается, по бумагамъ, втрое. Рассказывалъ онъ и о землетрясеніи 1855 года. Земля ходила волнами, и пламя, вырываясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разступившейся земли, выжигало цѣлые кварталы; до 10 000 домовъ было разрушено и около 50 000 испорчено. Слѣды этого землетрясенія мы видѣли вчера: во многихъ мѣстахъ одинокія кладбища, въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ, свидѣтельствовали, что здѣсь были когда-то храмы; длинныя улицы новыхъ домовъ, болѣе широкія, могли бы дать случай мѣстному Скалозубу сказать, что и здѣсь пожаръ много способствовалъ къ украшенію города.

Нужно было осмотрѣть четыре храма; но прежде не мѣшаетъ нѣсколько припомнить религію японцевъ, *чему* они молятся, и кому строятъ свои храмы.

Очень трудно составить себѣ настоящее понятіе о японской религіи; японцы неохотно говорятъ о ней, а европейскіе писатели часто рассказываютъ совершенно противорѣчащія вещи. Болѣе всего распространена въ Японіи религія *синто* или *синзю*. Она состоитъ въ поклоненіи геніямъ и божествамъ, завѣдывающимъ видимыми и невидимыми дѣлами. Эти божества называются *синэ* или *ками*.

Изъ хаоса явилось высшее существо, разлитое повсюду и вмѣщающее въ себѣ все; отъ него произошли два созидающія начала, которыя изъ хаоса же создали видимый міръ. Этотъ міръ былъ управляемъ послѣдовательно семью богами въ продолженіи многихъ милліоновъ лѣтъ; послѣдніе изъ боговъ были женаты; и вотъ, одинъ разъ, ударилъ богъ копьемъ въ дно потоковъ; съ приподнятаго лезвія капала тина, и упавшая капля этой тины превратилась въ островъ *Онокъ-оро-сима*, теперешній *Кіу-зіу*; тогда воззвалъ богъ другихъ 8000 боговъ къ жизни, сотворилъ 10000 вещей (городско-но-моно) и передалъ надзоръ надъ всѣмъ своей любезной дочери *Тенъ-сіо-дай-дзинъ*, богинѣ солнца. Она царствовала только 250 лѣтъ, а послѣ нея управляли міромъ четыре полубога въ продолженіи 2 099 024 лѣтъ. Послѣдній изъ нихъ, совокупясь съ смертною женщиной, оставилъ сына, по имени *Ціу-моо-тенъ-воо*, родоначальника микадо, на котораго и теперь смотрятъ, какъ на духовнаго главу міра. Души людей судятся послѣ смерти; достойные идутъ въ *Така-ама-ка-вара*, или возвышенную часть неба, гдѣ они становятся *ками*, божествами, между тѣмъ какъ недостойные идутъ въ царство горней, *Не-нокуні*. Въ честь *ками* воздвигаются храмы, называемые *мія*, различной величины. На алтарѣ храма ставится символъ божества, *гофей*, нѣсколько вырѣзанныхъ изъ бумаги цвѣтовъ, привязанныхъ къ вѣтвямъ дерева *финоки* (*Thuja japonica*). Эти гофеи находятся во всѣхъ домахъ, гдѣ ихъ ставятъ въ маленькихъ *мія*, или молельняхъ. По обѣимъ сторонамъ ставятъ два горшка съ цвѣтами и зелеными вѣтвями дерева *сакаки* (*Sleyegia kaempferiana*), мирты и сосны. Передъ этими алтарями японцы, утромъ и вечеромъ, молятся своимъ *ками*. Храмы, сами по себѣ очень простые, часто составляютъ, вмѣстѣ съ жилищемъ бонзъ и другими строеніями, обширныя помѣщенія, къ которымъ ведутъ обыкновенно великолѣпныя ворота, называемыя

торіи (мѣста, назначаемыя для птицъ); передъ всякимъ храмомъ находится изображеніе двухъ собакъ, *кома-ину*. Есть праздники, посвященные памяти какого-нибудь *ками*, и есть праздникъ, установленный въ воспоминаніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ (матцури).

Кромѣ *ками* есть еще другія существа, бывающія посредниками между человѣкомъ и богиней Тень-сіо-дай-зинъ, къ которой прямо относится никто не можетъ. Къ нимъ относятся *сіу-ю-дзинъ*, духи покровительствующіе, и нѣкоторыя животныя, бывающія въ услуженіи у *ками*; всего чаще лисица (инари). Жертвоприношенія состоятъ изъ различныхъ съѣстныхъ припасовъ, риса, хлѣба, рыбы, яицъ. Послѣдователямъ синто не запрещено убивать животныхъ; ихъ бонзы отпускаютъ себѣ волосы и могутъ быть женаты.

Несмотря на эту мѣологію, Зибольдъ, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ во всемъ, что касается Японіи, увѣряетъ, что японцы имѣютъ очень темное понятіе о будущей жизни и безсмертіи души, о вѣчномъ блаженствѣ и мученіи. Вотъ пять главныхъ обязанностей праведнаго, обеспечивающія ему земное и небесное благосостояніе:

- 1) Сохраненіе священнаго огня, символа чистоты, орудія очищенія и просвѣтленія.
 - 2) Сохраненіе чистоты души, сердца и тѣла, чрезъ послушаніе заповѣди и закону разума, какъ и чрезъ воздержаніе отъ нечистыхъ дѣяній.
 - 3) Неукоснительное соблюденіе праздниковъ.
 - 4) Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, и
 - 5) Почитаніе боговъ и святыхъ, въ храмахъ и дома.
- Теперь религія синто имѣетъ нѣсколько расколовъ.

Вторая религія—*буддизмъ*, распространившаяся изъ Цейлона, черезъ Корею, въ 543 году. Буддизмъ въ Японіи имѣетъ восемь главныхъ сектъ, и бонзы ихъ наводняютъ всю страну. Въ настоящее время буддизмъ до такой сте-

пени смѣшался съ религіей синто, что храмы однихъ служатъ часто гапищами для сектаторовъ другой религіи, и часто, въ одномъ и томъ же храмѣ, рядомъ съ изображеніями древнихъ *ками*, стоятъ буддійскіе идолы.

Третье ученіе, *синтоо*, родъ религіи разума, научаеъ нравственнымъ правиламъ, пригоднымъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Между религіозными общинами, также распространенными по всему государству, есть двѣ секты «слѣпыхъ». Первая изъ нихъ, *бассессатосъ*, основана прекраснымъ Сенминаромъ, младшимъ сыномъ одного микадо, который ослѣпъ отъ слезъ, по смерти любимой имъ принцессы. Другая секта называется *фекизадо*, основатель ея *Какекио*. Нѣкій Юритомо, одна изъ самыхъ выдающихся личностей въ исторіи Японіи, побѣдивъ и умертвивъ врага своего, князя Феки, взявъ въ плѣнъ его генерала Какекиго, и желая снискать его дружбу, далъ ему свободу, но Какекиго сказалъ ему: «я не могу любить убійцу моего благодѣтеля и не могу тебя видѣть безъ желанія убить тебя; а такъ какъ я обязанъ тебѣ жизнью, то, чтобы не быть вовлеченнымъ въ соблазнъ, я выколоу себѣ глаза». И дѣйствительно выкололъ. Какекиго удалился въ уединеніе и основалъ орденъ. Теперешніе представители этой секты живутъ въ Міако и находятся подъ особеннымъ покровительствомъ микадо.

Секта *яма-бусъ*, о которой я уже упоминалъ, живетъ въ горахъ и напоминаетъ древнихъ пустынниковъ.

Торжествуя съ великолѣпіемъ свои праздники, больше конечно для развлечения, японцы очень равнодушны ко всякой религіи.

Религія составляетъ что-то совершенно особенное, находящееся внѣ духовной потребности народа... За то это чувство съ избыткомъ замѣнено суевѣріемъ.

У японцевъ есть и амулеты, и символическія изображенія на дверяхъ и пр.; такъ напримѣръ, они прибываютъ

рака, къ дверямъ чтобъ отогнать отъ дома духа болѣзней. Есть и несчастные и счастливые дни; мореплаватели не выйдеть изъ порта, не справившись по календарю, какой румбъ ему выходить; старухъ всегда можно встрѣтить въ храмѣ, который вмѣстѣ служить и мѣстомъ игръ для дѣтей; не стѣсняясь пѣніемъ бонзъ, дѣти шумять и играютъ въ мячъ, со всѣмъ увлеченіемъ своего возраста.

— Отчего вы никогда не ходите въ храмъ? спросилъ я разъ одного чиновника.

— А бонзы-то зачѣмъ? Они за насъ и молятся!..

За то праздники отправляются со всѣмъ великолѣпіемъ. Такъ напримѣръ, я видѣлъ праздникъ матцзури; онъ продолжается три дня. Изображеніе *ками*, изъ папье-маше, разодрѣтыхъ въ богатыя ткани, возили въ Хакодади на великолѣпныхъ колесницахъ. Каждую колесницу, сдѣланную въ видѣ трехъ-этажной джонки, съ колосальною птицей на носу, тащило нѣсколько сотъ человѣкъ, и каждый изъ нихъ былъ въ разноцвѣтномъ шелковомъ костюмѣ. Въ джонкахъ сидѣли молоденькіе мальчики и дѣвочки, били въ барабанъ и играли на флейтахъ. Кромѣ трехъ главныхъ колесницъ съ богами, тащили цѣлыя павильйоны съ пѣвицами и музыкантами, маленькія лодочки съ пищей для боговъ,—рисомъ и саки... Вещи и украшенія, сами по себѣ, составляли роскошное цѣлое; японцы не пренебрегли ни одною мелочью для декораціи. Можно было, напримѣръ, на саблю божеству налѣпить и фольгу, вмѣсто массивнаго украшенія изъ бронзы; и такъ совѣстливо отдѣланы всѣ мелочи. Въ другіе праздники храмъ приготовляетъ отъ себя обѣдъ на нѣсколько сотъ человѣкъ, и общая трапеза продолжается цѣлый день, прерываемая богослуженіемъ и ударами въ гонгъ.

Скажу нѣсколько словъ о храмахъ, которые мнѣ удалось въ этотъ день видѣть. Первый стоялъ на горѣ; къ нему вела высокая каменная лѣстница; почти весь онъ

былъ занять комнатами для жилья; для мѣстнаго бога отведена была небольшая часовня, установленная тѣми вещами, какія обыкновенно находятся въ буддѣйскомъ храмѣ. Секта, которой принадлежалъ этотъ храмъ, была, какъ видно, болѣе практическая; здѣсь было больше мѣста для удовлетворенія мірскаго комфорта, нежели духовной потребности. Система постройки была общая большимъ японскимъ домамъ. Все зданіе держалось на фундаментальныхъ столбахъ, къ которымъ шли перекладыны, поддерживаемыя небольшими столбиками. Стѣны снаружи выштукатурены толстою массой извести, такъ что зданіе смотритъ каменнымъ; внутри передвижныя щиты въ деревянныхъ рамахъ: комната можетъ быть сразу открыта со всѣхъ сторонъ. Справа и слѣва, затѣйливо смотрятъ подстриженные, микроскопическіе садики, бывающіе всегда во внутреннихъ дворахъ. Роскошь внутренняго убранства состоитъ въ необыкновенно-красивомъ и гладко-полированномъ деревѣ, на столбахъ и рамахъ, и въ передвижныхъ щитахъ, обтянутыхъ картономъ и обклеенныхъ иногда роскошными обоями. На полу, конечно, циновки.

Бонзы храма стояли въ сторонѣ и почтительно кланялись нашему чиновнику; на нихъ были кафтаны съ висящими широкими рукавами и мантии изъ легкой шелковой матеріи свѣтлаго цвѣта. Всѣ они были народъ молодой и съ бритыми головами.

Это количество пустыхъ, нигѣмъ незанятыхъ комнатъ, отдаваемыхъ путешественникамъ, служитъ мѣстомъ собраній ученыхъ бонзъ, чѣмъ-то въ родѣ консисторій, гдѣ рѣшаются различные духовные вопросы.

Второй храмъ оказался болѣе удобнымъ, несмотря на то, что стоялъ въ лощинѣ и къ нему надо было спускаться по широкой каменной лѣстницѣ. Такъ какъ этотъ храмъ былъ выбранъ для помѣщенія графа Муравьева, то я еще разъ возвращусь къ нему.

Третій былъ настоящій храмъ, то-есть въ немъ мѣсто для помѣщенія гостей не отнимало мѣста у богослуженія. Онъ стоялъ на горѣ отдѣльнымъ зданіемъ; крыша остроконечная, оканчивающаяся бронзовымъ пламенемъ, казавшимся издали короной, вѣнчающей крышу; внутри его, среди превосходной рѣзной работы изъ кипариса и камфарнаго дерева, среди столбовъ, выполированныхъ, какъ мраморъ, среди висящихъ между столбами разноцвѣтныхъ хоругвей и флаговъ, — на алтарѣ стояло колоссальное бронзовое изображеніе какого-то *ками*, обставленное массивными кандебрами, горшками съ цвѣтами, гофями, чашечками съ рисомъ и саки, курившимися свѣчами. Въ боковыхъ часовняхъ на бронзовыхъ дощечкахъ, написаны имена усопшихъ, и передъ каждою дощечкой стояло приношеніе. Видъ отъ храма превосходный. Прямо, обрывъ горы былъ замаскированъ покрывшими его деревьями, правильно подстриженными, изъ чащи которыхъ выросло нѣсколько величественныхъ кедровъ; вѣтви ихъ, распространяясь какъ огромныя лапы, вѣнчались иглистою крышеобразною верхушкой; далѣе виднѣлся городъ застроенною, плоскою равниной; за нимъ—заливъ съ пятью насыпными укрѣпленіями; потомъ пришедшая вчера наша эскадра, вытянувшаяся въ линію, за которою даль уже скрадывала формы предметовъ; тамъ отдаленный берегъ казался облакомъ, а линія горизонта пропадала въ туманѣ. Сотни бѣлыхъ точекъ рябили по заливу, тó лодки и фуне (джонки) японцевъ, сновавшія въ разныхъ направленіяхъ. Изъ зелени раздавались громкіе голоса цикадъ, перебивавшихъ другъ друга; можно было слѣдить за пѣніемъ каждой; по мотивамъ различаютъ семейства этихъ музыкантовъ-насъкомыхъ.

Послѣдній храмъ былъ въ лѣвомъ концѣ города. До него было очень далеко; японскіе чиповники, насъ сопровождавшіе, опустили головы и изнемогали. Вѣроятно,

*

не помянули они насъ въ этотъ день добромъ. Было жарко, полицейскіе смѣнялись каждую четверть версты, и музыка ихъ желѣзныхъ палокъ сильно надоѣдала намъ. Шли мы по какимъ-то переулкамъ; разъ прошли мимо театра, зданія, украшеннаго множествомъ фонарей; наконецъ фламандская обстановка маленькихъ улицъ стала чаще скрываться въ зелени; чаще стали попадаться сады и цвѣты; вотъ родъ оврага, и по дну его течетъ ручей; черезъ ручей мостъ, и около него нѣсколько лавчонокъ; наконецъ и храмъ, скрывающійся въ зелени; за нимъ сплошные сады-лѣса, освѣжающіе своею тѣнью и листвою воздухъ. Вотъ мы и пришли. Чиновники просятъ подождать; имъ надо предупредить бонзъ, что мы хотимъ осмотрѣть храмъ, и предлагаютъ тѣмъ временемъ зайти въ ближайшую таберу. Чтó за прелесть была эта табера, — бесѣдка въ кустахъ зелени и цвѣтовъ, открытая со всѣхъ сторонъ! Въ ней мы отдохнули, утоливъ жажду чаемъ и арбузомъ. На насъ смотрѣла всюду слѣдовавшая за нами толпа; ребятишки перелѣзали черезъ заборъ, показывались изъ-за кустовъ, но слышимое частое сотрясеніе желѣзной палки полицейскаго ограничивало ихъ любознательность. Къ храму вела аллея исполинскихъ кедровъ, стволы которыхъ были прямы какъ колонны, вѣтви, широко разрастаясь, переплетались съ вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ, составляя сплошной зеленѣющей навѣсъ. Внутри храма мы видѣли то же, чтó и въ предъидущемъ; тотъ же алтарь, тѣ же украшения. Но растущая въ изобиліи зелень особенно живописно обставляла это убѣжище религіи. На самомъ дворѣ росли кедры; бѣлыя стѣны многихъ часовень, съ рѣзными порталами, мелькали между зеленью и сѣрыми стволами величественныхъ деревьевъ. У лѣстницы, ведущей въ храмъ, кромѣ извѣстныхъ собакъ, стояли двѣ массивныя бронзовыя вазы.

9-го августа. Исторія Японіи теряется, какъ и всякая

другая, во мракъ неизвѣстности. Японскія хроники цѣлыхъ столѣтій разсказываютъ о разныхъ происшествiяхъ, — изверженiяхъ вулканическихъ горъ, землетрясенiяхъ, явленiяхъ драконовъ, войнахъ и дракахъ, и все это безъ всякой послѣдовательности. Цю-моо-тенъ-воо, родоначальникъ микадо, царствовалъ шестьдесятъ девять лѣтъ. Онъ выстроилъ храмъ богинѣ солнца и основалъ власть микадо, неограниченнаго владыки, вмѣщающаго въ себѣ какъ духовную, такъ и свѣтскую власть. Это было около 660 г. до Р. Х.

Много столѣтiй неограниченно царствовали микадо. Первою причиною ослабленiя власти было, по всей вѣроятности, обыкновенiе назначать наследниками престола несовершеннолѣтнихъ, черезъ что увеличивалось влiяние вассаловъ на дѣла государства. Одинъ изъ микадо, женатый на дочери сильнаго князя, отказался отъ престола, въ пользу своего несовершенно-лѣтняго сына; а честолюбивый князь, дѣдъ наследника, захвативъ власть въ свои руки, заключилъ своего зятя въ тюрьму. Началась междусобная война, въ продолженiи которой является Юритомо, одинъ изъ самыхъ выдающихся героевъ японской исторiи, господствующiй въ преданiяхъ и народныхъ сказкахъ. Въ немъ текла кровь микадо; онъ объявилъ себя защитникомъ заключеннаго и разбилъ похитителя на-голову. Послѣ междусобной войны, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, онъ освободилъ микадо и возстановилъ его въ правахъ, которыми послѣднiй захотѣлъ пользоваться только номинально, предоставивъ настоящую власть самому Юритомо, котораго онъ произвелъ въ достоинство *цю-и-дай-цюгунъ* (главнокомандующiй противъ варваровъ). По смерти микадо власть осталась вполнѣ въ рукахъ Юритомо. Чтобы еще болѣе утвердиться въ ней, Юритомо затѣялъ войну съ Кореей, на которую отправились всѣ владѣтельные князья, потерявшiе тамъ если не жизнь, то силу и богатство. Ю-

ритомо царствовалъ двадцать лѣтъ. Ему наследовалъ сынъ его. Это было или въ 1199 или 1290 году. Съ этого времени начинается сильное вліяніе сіюгуна (то-есть главнокомандующаго), отношенія котораго къ микадо напоминали отношенія регента къ несовершеннолѣтнему королю, или конетаблей къ королямъ. Въ этомъ положеніи Японія находилась до конца XVI столѣтія.

Въ царствованіе микадо Конаро и сіюгуна Іози-Хару, въ двѣнадцатомъ году ненго-тембу, 22 мѣсяца (въ октябрѣ 1543), показалось чужое судно въ *Тонго-сіусе*, провинціи *Нисимоноо*; экипажъ его, состоявшій больше чѣмъ изъ двухъ сотъ человекъ, имѣлъ новый, какой-то неслыханный, особенный видъ. Находившійся на суднѣ китаецъ, по имени Гахоръ, объяснилъ письменно, что это были *рау-бау* (южные варвары). Имена капитановъ были *Монно-Сюнкіа* и *Кристо-Монто*, въ которыхъ можно узнать Антоніо-Монто и Франциско Зеймото,—первыхъ португальцевъ, прибывшихъ въ Японію.

Съ того времени Японія вела правильную торговлю съ сосѣдями, и иностранцы, привозившіе рѣдкіе товары, принимались радушно и входили съ японцами въ тѣсныя сношенія, селились у японцевъ и женились на ихъ дочеряхъ.

Позднѣе, мы видимъ голландцевъ и, наконецъ, даже англійское судно, подъ командою нѣкоего Адамса, явившихся въ Японію. Походженія этого Адамса довольно извѣстны.

Наконецъ явились іезуиты, и раздалась по всѣмъ концамъ Японіи громкая проповѣдь христіанства. Народъ, неслыхавшій такъ долго ни одной живой идеи, съ увлеченіемъ внималъ проповѣди. Скорые и неожиданные плоды проповѣди удивили весь христіанскій міръ. Титзингъ го-

ворить, что число обращенных превышало четыре миллиона, и что новое учение имѣло своихъ поборниковъ при дворахъ сіюгуна и микадо.

Эта многообѣщающая будущность была уничтожена въ зародышѣ, частію слѣпымъ рвеніемъ обращенныхъ, частію гордостью миссіонеровъ и желаніемъ мѣшаться въ политику, чтобъ имѣть вліяніе на свѣтскія дѣла; но, главное, наплывъ новыхъ идей долженъ былъ вызвать реакцію. Еслибы побѣда осталась на сторонѣ христіанства, Японіи предстояла бы будущность; къ несчастію, побѣдила старая Японія, и страшно отомстила нововводителямъ. Этотъ историческій опытъ былъ хорошимъ мѣриломъ духовныхъ силъ народа. Реакція началась, и вотъ вспыхнула страшная и продолжительная междуусобная война.

Два брата, изъ рода Іоритомо, спорили о достоинствахъ сіюгуна. Князья брали сторону то одного, то другаго, или сами крамольничали, пользуясь беспорядками, чтобы пріобрѣсти независимость. Во время войны, оба противника лишились жизни, и возникъ вопросъ о томъ, кому занять упразднившійся престоль. Послѣ многихъ сраженій, укрѣпился наконецъ на тронѣ Нобунга, князь Авари, при помощи челоуѣка, вышедшаго изъ народа, именемъ Хиди-Іори. По смерти Нобунга, Хиди-Іори вступилъ на престоль, подъ именемъ Тайко-Сама. При немъ власть микадо до того уменьшилась, что осталась только призракомъ власти. Тайко-Сама побѣдилъ Корею и угрожалъ Китаю, но смерть помѣшала его замысламъ.

Смерть этого челоуѣка была сигналомъ къ новымъ беспорядкамъ. Хиди-Іори, единственный сынъ Тайко-Самы, былъ дитя шести лѣтъ, и отецъ его, еще при своей жизни желавшій упрочить за нимъ престоль, женилъ его на племянницѣ князя Микавы, назначивъ послѣдняго регентомъ. Этотъ князь, по имени Изейасъ, воспользовался своимъ положеніемъ и самъ захватилъ власть. Малолѣтній сіюгунъ

былъ поддерживаемъ христіанами, желавшими воспитать въ немъ покровителя новой религіи. Вспыхнувшая междуусобная война имѣла грустный исходъ. Въ 1615 году, Изейасъ осадилъ Оосако, куда скрылся, какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ, супругъ его племянницы. О судьбѣ Хиди-Юри ничего неизвѣстно. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ сгорѣлъ во дворцѣ своемъ, другіе говорятъ, что нашель убѣжище у князя сатцумскаго, и это довольно вѣроятно. Князя Сатцума по сіе время больше другихъ независимы, и изъ ихъ рода сіогуны берутъ себѣ женъ.

Началось страшное преслѣдованіе христіанъ, продолжавшееся нѣскольکو лѣтъ. Тейтокури, племянникъ Изейаса, нанесъ имъ послѣдній ударъ: 36 000 христіанъ заключились въ замкъ Синаборѣ и защищались съ рѣдкимъ мужествомъ и отчаяніемъ. Замокъ взятъ былъ наконецъ 12 апрѣля 1638 г., послѣ трехмѣсячной осады.

Въ этой послѣдней сценѣ драмы, голландцы помогали *осаждавшимъ* своею артиллеріей и положили позорное пятно на свою исторію.

Въ 1640 г. преслѣдованіе христіанъ, по недостатку жертвъ, прекратилось.

Съ этого времени Японія герметически закупорилась; попытка португальцевъ, посылавшихъ изъ Макао блестящее посольство, была напрасна.

Святость званія посла не спасла пріѣхавшихъ отъ строгости изданнаго въ Японіи закона, по которому смерть постигаетъ всякаго иностранца, ступившаго на японскую землю. Посланнику и его свитѣ (шестидесяти человекамъ) отрубили головы; только нѣкоторые были пощажены, для того, чтобы было кому отвезти въ Макао извѣстіе о происшедшемъ. Надъ трупами казненныхъ выставлена была надпись: «Пока свѣтитъ солнце, ни одинъ иностранецъ не ступитъ на землю Японіи, хотя бы то былъ самъ послан-

никъ *Ксуки*, князя японскихъ боговъ, или самъ христіанскій Богъ; съ ними будетъ поступлено такъ же, если не хуже.»

Голландцы, единственные иностранцы, допущенные въ Японію, были помѣщены сначала на островѣ Фирандо, гдѣ они основали свою факторію; впослѣдствіи они были переведены въ Нагасаки, на островъ Дециму, гдѣ, впрочемъ, позволено было жить только семерымъ. До послѣдняго времени они вели почти тюремную жизнь.

Это отчужденіе отъ міра было выгодно для сіюгуна, власть котораго стала уже безспорна; партіи прекратились, обычаи, лишенные всякаго иноземнаго вліянія, упростились. Чтобъ еще болѣе укрѣпить власть закона, вся страна была опутана правильно организованнымъ шпіонствомъ, такъ что всякое внутреннее возмущеніе сдѣлалось невозможнымъ.

Но новое время разбило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ ледъ, затянувшій всѣ народныя силы. Выдержитъ ли Японія этотъ новый приливъ? Этотъ второй историческій опытъ рѣшить ея судьбу; а какъ рѣшить—это дѣло будущаго.

Эддо былъ постоянною резиденціей сіюгуна, принявшаго въ послѣднее время титулъ *тайкуна* (великаго князя). Все служащее въ Японіи окружаетъ его. Эддо—центръ бюрократіи и свѣтскаго образованія, между тѣмъ какъ Міако, резиденція микадо или даири—центръ образованія духовнаго; тамъ воздѣлываются искусства, тамъ обрабатываютъ древній японскій языкъ подъ именемъ *ямато*; тамъ живутъ яматофилы (какъ въ Москвѣ славянофилы), а Эддо, какъ нашъ Петербургъ, кипитъ дѣловыми людьми, предписываетъ моды и служитъ центромъ дѣятельной жизни.

Дворецъ тайкуна (такъ какъ этотъ титулъ принять сіюгуномъ, то я и буду такъ называть прежняго сіюгуна) со всѣми принадлежащими къ нему зданіями, храмами и

службами занимает пространство, равное порядочному городу; защищенный со всѣхъ сторонъ высокимъ брустверомъ и выстроенною на немъ стѣной, онъ окруженъ еще широкимъ каналомъ, воды котораго, обогнувъ кольцомъ крѣпость, впадаютъ въ другой каналъ, идущій къ заливу. Весь этотъ укрѣпленный островъ называется *высокимъ городомъ*, *го-зенъ* или *юченъ*, а самый дворець замкомъ, *О'сиро*. Почти параллельно этому каналу, и обхвативъ втрое большее пространство, течетъ другой каналъ, полукруглый, соединяющійся обоими своими рукавами съ сѣткой разныхъ каналовъ, разрѣзывающихъ Эддо на множество острововъ, у самаго залива.

Цѣль нашей прогулки состояла въ томъ, чтобы, перерѣзавъ внѣшній полукруглый каналъ, выйти къ дворцу тайгуна и увидѣть хоть то, что доступно глазу обыкновенныхъ смертныхъ. Со мною были К. и Б., еще въ первый разъ сѣхавшіе на берегъ. Исторія о брошенномъ съ моста камнѣ, не смотря на наше умышленное молчаніе, разошлась какими-то путями, и конечно была преувеличена. «Да вы скажите намъ,» говорили К. и Б., еще когда мы ѣхали на лодкѣ, «правда ли, что бросаютъ камни?» Я долженъ былъ сознаться, смягчая фактъ тѣмъ, что камни были небольшіе, и что всегда, въ такой огромной толпѣ, найдется шалунъ, за котораго поручиться нельзя. Имѣя въ рукахъ планъ Эддо, мы начертили себѣ маршрутъ: надо было сначала забраться какъ можно дальше въ глубь города, придерживаться къ вѣтру, какъ говорятъ на морѣ, и потомъ спуститься. Начавъ придерживаться, мы дѣйствительно забрались въ такую глушь, куда, кажется, еще не дошли извѣстія о томъ, что Японія заключаетъ трактаты съ европейцами. Дѣти и взрослые, старики и женщины, съ стремительною выскакивали изъ своихъ лавокъ, нѣкоторые бѣжали впередъ, чтобы предупредить своихъ знакомыхъ посмотрѣть на такое чудо, какъ русскій

офицеръ; насъ осаждали спереди, съ боковъ, сзади. Полиція, вѣроятно не предупрежденная, не считала нужнымъ заниматься нами; наше положеніе было очень интересно, но самое-то интересное было впереди.

Мы потеряли счетъ улицамъ, а главное, потеряли направление. Изъ широкихъ и населенныхъ улицъ поворачивали въ узенькіе переулки, почти совсѣмъ скрывавшіеся подъ тѣнью деревьевъ и кустовъ, выходящихъ изъ-за заборовъ; въ этихъ переулкахъ насъ почему-то оставляла толпа, но только что мы выбирались на улицу, какъ снова становились предметомъ преслѣдованія. Два или три камня пролетѣли у насъ подъ ногами, и одинъ ударился въ зонтикъ, который я несъ, защищаясь отъ солнца. Видя такой оборотъ дѣла, мы вошли въ первый трактиръ, но наши преслѣдователи не оставляли насъ. Трактиръ былъ буквально осажденъ, заборъ задняго двора затрещалъ, и трактирщикъ, испуганный, не хотѣлъ намъ ничего давать и уговаривалъ уходить поскорѣе. Къ нашему счастью, послышались желѣзныя кольца полицейскихъ, рѣшившихся наконецъ принять насъ подъ свое покровительство. Они стали насъ передавать съ рукъ на руки, и дѣло пошло довольно благополучно.

Мы увидѣли совершенно-деревенскій ландшафтъ: зеленый лугъ, по которому нѣсколько озеръ, заросшихъ тростникомъ и nenюфарами и соединявшихся другъ съ другомъ протоками; мѣстами были группы деревьевъ, кое-гдѣ паслись жирные быки; перерѣзывая эту мѣстность, шла, поднимаясь въ гору, широкая насыпь; на ея протяженіи былъ каменный мостъ, подъ аркою котораго протекали воды озеръ, и далѣе, на зеленѣющемъ холмѣ, возвышалось зданіе, очень похожее на крѣпость; изъ за стѣнъ его выросло нѣсколько деревьевъ японской сосны, съ распространяющимися въ видѣ лапъ вѣтвями. Тутъ проходилъ внѣшній, полукруглый каналъ; возвышенное зданіе,

похожее на крѣпость; были ворота съ караулкой, близъ которой стояли извѣстные значки власти, одинъ—родъ ухвата, другой—желѣзный крючокъ, третій—какія-то грабли. Этими инструментами ловятъ воровъ. Подобныхъ воротъ нѣсколько въ Эддо; они всѣ выстроены по одному плану, и даже мѣстность, окружающая ихъ, довольно схожа, что непосвященныхъ часто вводитъ въ заблужденіе. За воротами шли улицы широкія, торговыя, и узкія; потомъ протянулись знакомыя зданія княжескаго квартала съ красными исполинскими воротами, выведенными подъ лакъ; наконецъ, мы вышли на набережную канала, омывающаго стѣны О'сиро. Высокій брустверь крѣпости одѣтъ былъ дерномъ, и по его склонамъ мѣстами росли деревья, спускавшіяся иногда до самой воды, покрытой круглыми листьями водяныхъ лилій съ ихъ бѣлыми цвѣтами. Не-высогая стѣна, сложенная изъ сѣрыхъ камней и прерываемая башенками, шла по брустверу; изъ-за стѣны выглядывали рогатыя вѣтви японской сосны и кедровъ, составляющихъ собою третью живую стѣну. Только въ одномъ мѣстѣ былъ мостъ, ведущій въ ворота, архитектура которыхъ была похожа на прежнія.

Мѣстность своею таинственностію могла возбудить много мыслей; можетъ быть, идя тихимъ шагомъ, мы преисполнились бы уваженія къ великому владыкѣ Японіи, смотря на эти угрюмыя стѣны, на выглядывавшія изъ-за нихъ деревья, подъ тѣнью которыхъ живутъ и наслаждаются существа, имѣющія такую власть и силу; но

Не тѣмъ въ то время сердце полно было!

Съ одной стороны стоялъ дворецъ, съ другой княжескія жилища. Толпа, сопровождавшая насъ въ этомъ мѣстѣ, состояла изъ княжеской челяди. Дѣйствуя въ интересахъ своихъ патроновъ, изъ которыхъ многіе съ ожесточеніемъ смотрятъ на европейцевъ, проникнувшихъ въ

сердце Японіи, этотъ народъ глядѣлъ на насъ враждебно, и камни, летавшіе мимо насъ, не были уже шалостію уличныхъ мальчишекъ. Ускореннымъ шагомъ шли мы, стараясь показать полное равнодушіе, хотя полного равнодушія быть не могло, когда то въ спину, то въ ногу стукнетъ. К. и Б. рѣшительно разсердились. «Ну, ужь прогулка! нѣтъ, ужь больше сюда ни ногой!» — «Господа, утѣшалъ я, послѣ будете вспоминать съ удовольствіемъ, вѣдь это...» Опять камень, чортъ возьми, и больно! Но я продолжаю: «Вѣдь это такой эпизодъ изъ жизни туриста, за который другой дорого бы далъ; легко сказать: быть побитымъ камнями! Путешественникамъ, въ наше время, въ Европѣ...» «Еще камень!» прерывалъ меня кто-нибудь изъ моихъ спутниковъ: «чортъ съ ними, съ этими эпизодами... Идемъ скорѣе!» Я храбрился только для виду, потому что за всѣ бросаемые камни товарищи обращались ко мнѣ, какъ будто я бросаю ихъ: «Нѣтъ, ужь съ вами больше не пойдемъ!» говорили они. Сцена была траги-комическая. Съ смиреннымъ духомъ и ускореннымъ шагомъ, пробирались мы по набережной, какъ будто подъ выстрѣлами. «Вѣдь въ Севастополѣ намъ съ вами случалось не разъ находиться въ такомъ положеніи, и еще гораздо хуже: представьте, что камни—пули,» утѣшалъ я своихъ товарищей.

Кончился княжескій кварталъ, кончились и камни. Мы вздохнули свободно, добравшись до знакомаго трактира на большой улицѣ, въ которомъ обѣдали въ первую нашу прогулку. Тутъ уже насъ приняли какъ друзей; молоденькія мусуме, одна передъ другой, старались услужить намъ; омыли наши ноги, дали шримпсовъ, а К. примирился и съ Эддо, и съ камнями.

Что эти камни не были шалостью уличныхъ мальчишекъ, подтвердили послѣ чиновники. На наши слова, что если это еще повторится, то могутъ быть очень серьезныя

послѣдствія, они прямо сказали, что князья, защитники старыхъ порядковъ, составляютъ упрямую оппозицію противъ прогрессивныхъ побужденій правительства. Начало сближенія съ европейцами было дѣломъ покойнаго сіюгуна, человѣка способнаго и понявшаго, что если Японія можетъ имѣть какую-нибудь будущность, то не иначе какъ путемъ сближенія съ другими народами. Одни изъ феодальныхъ князей раздѣляли его мнѣнія и дѣятельно помогали ему, другіе же, и, кажется, бѣльшая часть, упрямо противодѣйствовали нововведеніямъ, видя въ нихъ гибель Японіи, или просто не желая отстать отъ привычекъ и обычаевъ, нажитыхъ вѣками. Но пока живъ былъ сіюгунъ, оппозиція глухо волновалась и молчала. Къ несчастію, въ прошломъ году преобразователь Японіи умеръ; былъ даже слухъ, что онъ отравленъ. Ему наследовалъ *Минамото-іе-мочъ* (по-англійски пишутъ Minamoto je muchi), мальчикъ пятнадцати лѣтъ, находящійся подъ вліяніемъ и опекою консерваторовъ. Они уже не въ силахъ устранить вліяніе европейцевъ на Японію: европейская мысль пустила сильные корни въ воспримчивую почву этой страны; но они всячески замедляютъ дѣло, и если рѣшились допустить европейцевъ въ Эддо, то для того, чтобы пресѣчь имъ всякіе пути въ Міако, отстраняя тѣмъ вліяніе пришельцевъ на «духовнаго» императора, микадо. А на себя они, конечно, надѣются. Вслѣдствіе этого, обѣщанный прежде портъ Осако, находящійся близъ Міако, не открывается, и всѣ дѣла будутъ рѣшаться въ Эддо. Оппозиція высшихъ, переходя въ нижніе слои, выражается по обыкновенію уличными сценами; такъ слуги домовъ Монтеки и Капулетти дрались за то, что господа ихъ были въ ссорѣ.

Въ то время какъ мы собственнымъ опытомъ узнавали разныя стороны японскаго характера, по рейду плыла великолѣпная процессія: на джонгѣ, убранной шелковымъ балдахиномъ, флагами, значками и золотомъ, съ крикомъ

и шумомъ буксируемой нѣсколькими десятками лодокъ, медленно двигался впередъ, ѣхали полномочные тайкуна на фрегатъ *Аскольдъ*. Нѣсколько такихъ джонокъ, не такъ богато убранныхъ, слѣдовали за главною; это было первое свиданіе японскихъ властей съ нашими. Въ числѣ полномочныхъ были первые чины государства. Вечеромъ, когда они съѣзжали съ фрегата, на всѣхъ судахъ нашей эскадры вспыхнули по ногамъ фальшфейеры, и вечерній салютъ, сверкая огнемъ и разстилаясь краснымъ дымомъ, сотрясалъ воздухъ и стѣны городскихъ зданій, рѣдко слышавшихъ подобные звуки. Въ тонѣ привѣтствія слышалась сила, а красный дымъ выстрѣловъ могъ быть зловѣщимъ... Много ли нужно, чтобъ этотъ громъ сдѣлался угрожающимъ и разрушающимъ?..

На другой день (10 августа) отправилась процессія съ нашей стороны. Все было сдѣлано, чтобы въѣздъ графа Муравьева въ Эддо былъ самый торжественный. Съ утра свезена была со всѣхъ судовъ команда, съ заряженными штуцерами, на берегъ. Составился батальонъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, который, выстроенный развернутымъ фронтомъ, дождался на берегу. (Батальйономъ командовалъ полковникъ Семеновскаго полка Юссильяни). Въ 11 часовъ всѣ офицеры, въ полной парадной формѣ, собрались на пароходъ *Америка*, куда вскорѣ пріѣхалъ и графъ Муравьевъ, сопровождаемый салютомъ со всѣхъ судовъ и раздвѣченіемъ ихъ флагами; одинъ *Пластунъ*, стоя отдѣльно отъ эскадры, скромно ожидалъ своей очереди. Когда пароходъ поравнялся съ нимъ, вдругъ развились, поднятые клубками на фалахъ, разноцвѣтные флаги, и люди, стоя по реямъ, потрясли воздухъ криками. Близъ укрѣпленій пароходъ остановился, и всѣ отправились къ берегу на катерахъ и вельботахъ; на берегу загремѣли барабаны, и импровизированный батальонъ, идя рядами, дефилировалъ скорымъ шагомъ. Впереди несли флагъ, а

за нимъ слѣдовала знаменная рота изъ гардемариновъ и юнкеровъ, молодаго поколѣнія нашей эскадры. Для всѣхъ офицеровъ приготовлены были лошади, красиво убранныя японскими сѣдлами. Барабанщики не жалѣли барабановъ; раскатистая дробь раздавалась по улицамъ Эддо, по сторонамъ которыхъ чинно стоялъ народъ, съ удивленіемъ смотрѣвшій на пришельцевъ. Ни одинъ не высовывался впередъ, ни одинъ не кричалъ, не толкался; такое было благопріятіе, что какой-нибудь любитель всего подобнаго пришелъ бы въ восторгъ и умиленіе. Старушки, сердечкомъ сжимая губы, привѣтливо улыбались, хорошенькія мусуме благосклонными взглядами отвѣчали нашимъ сердцемъ посылавшимъ имъ поцѣлуи по воздуху; дѣти смотрѣли съ безмолвнымъ любопытствомъ. Но какой-нибудь стоявшій въ толпѣ юмористъ, можетъ быть, уже схватывалъ особенности нашихъ костюмовъ и фізіономій, чтобы перенести всю нашу процессію цѣликомъ на рисунокъ, какъ перенесенъ былъ въѣздъ графа Путятина въ Нагасаки. У меня есть этотъ интересный политипажъ. Какъ они злодѣйски подмѣтили наши прежніе кивера, наши мундиры, и какое обширное поприще предстояло имъ теперь!..

Въ храмѣ, гдѣ была главная квартира, поднять былъ русскій флагъ,—съ церемоніей. Всѣ участвовавшіе въ процессіи были приглашены къ обѣду, приготовленному въ японскомъ вкусѣ. Передъ каждымъ былъ поставленъ лаковый подносъ съ нѣсколькими чашечками; въ каждой было кушанье: похлебка, рыба, салатъ, микроскопически изрѣзанный и очень вкусный, разныя конфеты, раскрашенныя и имѣющія затѣливую форму; однимъ словомъ приготовлено было все, что японская кухня могла представить изысканнаго. Прислуга быстро двигалась, удовлетворяя требованіямъ cadaго.

Но божество, радѣющее Японіи, кажется, было на сторонѣ оппозиціи. Страшно разразилось оно надъ нашими головами, какъ будто за дерзость настойчиваго желанія сблизиться съ Японіей. Оно какъ-будто стерегло ихъ застывшую и заснувшую жизнь. Едва мы сѣли на шлюпку, чтобы возвратиться на клиперъ, полился дождь, погода засвѣжѣла, и разведенное волненіе вливало волну за волной въ нашъ катеръ. Насилу добрались мы до клипера.

Барометръ падалъ стремительно; дождь возвращался съ каждымъ порывомъ вѣтра, который становился все сильнѣе и сильнѣе. Весь слѣдующій день ураганъ свирѣпствовалъ въ заливѣ; стоя на якорѣ, мы должны были закупорить люки, что случилось съ нами въ первый разъ. На берегу было между тѣмъ довольно сильное землетрясеніе. На третій день стало немного стихать; небо очистилось, и, кажется, никогда еще воздухъ не былъ такъ прозраченъ! За Эдо мы увидѣли въ первый разъ цѣль горъ и величественный Фузи, съ его вершиной, подобною усѣченному конусу; онъ рисовался на горизонтѣ какъ нѣжное видѣніе, — такъ легокъ и воздушенъ былъ тонъ красокъ.

Фузи-яма или Фузи-но-яма находится въ провинціи Сируга. По сказаніямъ японцевъ, онъ явился ночью, въ 285 г. до Р. Х., и въ ту же ночь вблизи Міако провалилось большое пространство земли, образовавъ озеро Митзоо (большая вода). Этотъ вулканъ, составляя пирамиду въ 12 000 фут. высоты (высота равная почти Tenerifскому пику), бѣольшую часть года покрытъ снѣгомъ. Изверженіе 799 г. по Р. Х. продолжалось 34 дня. Выброшенная зола покрывала огромныя пространства и окрашивала воды краснымъ цвѣтомъ. Другія изверженія были въ 800 и 863 г. по Р. Х. Самое сильное было въ 864 г., во время котораго гора стояла какъ бы въ пламенномъ кругу. Последнее было въ 1707 году, послѣ столькихъ лѣтъ покоя.

13-го августа. Можно было ѣхать опять на берегъ, и, чтобъ успѣть больше увидѣть, мы отпросились на два дня, предполагая на другой день ѣхать верхомъ. Точкой отправленія мы избрали храмъ, гдѣ была наша главная квартира. Это было огромное зданіе съ большимъ количествомъ комнатъ, съ упрядненными нишами и съ совершеннымъ отсутствіемъ алтаря. Когда я былъ въ первый разъ здѣсь, то видѣлъ небольшую часовню; теперь она была заперта. Передъ храмомъ былъ небольшой дворъ, на который можно было попасть черезъ широкія ворота, по каменной лѣстницѣ. Тяжелый навѣсъ, съ деревянными рѣзными украшеніями, составлялъ родъ висящаго портика; нѣсколько ступеней, черезъ широкую арку, вели въ первую комнату, довольно большую и высокую; въ глубинѣ ея была деревянная ниша съ полками, на которыхъ, вѣроятно, стояли прежде какія-нибудь религіозныя принадлежности; полъ былъ устланъ, какъ всегда, циновками; двигающіяся въ рамкахъ ширмы обклеены довольно красивыми обоями. Эта комната служила мѣстомъ отдохновенія для пріѣзжающихъ съ судовъ. Здѣсь, расположившись послѣ обѣда на циновкахъ, мы вели разговоры, узнавали новости, толковали и спорили. Кто-то назвалъ эту комнату «*oeil de boeuf*»; такъ это названіе за ней и осталось. Около нея находились помѣщенія для служащихъ, а дальше для графа Муравьева. Вблизи былъ большой садъ, а у храма—микроскопическіе садики, съ искусственными скалами, маленькимъ храмомъ и лужицей, превращенною въ прудъ, въ которомъ плавали золотыя рыбки.

Гуляя цѣлый день по городу, мы положили себѣ изучать торговлю, то-есть начали заходить въ лавки и магазины, въ иные для того, чтобы что-нибудь купить, въ другіе—чтобы поглазѣть. Я уже говорилъ, что въ Эддо прежде всего поражаетъ страшное количество лавокъ; кажется,

весь народъ продаетъ, и не можешь себя представить, гдѣ находятся покупатели, погамѣсть не вспомнишь, что въ самомъ Эддо находится больше милліона жителей, и что Эддо доставляетъ на всю Японію предметы потребленія. Лавки съ вещами роскоши встрѣчаются рѣдко; если онѣ и есть, то обыкновенно помѣщаются въ заднихъ комнатахъ; на улицу же смотрятъ все вещи практическія, нужныя: обувь, шляпы, платье, цыновки, обиходный фарфоръ, который однако очень хорошъ, лавки съ желѣзными и мѣдными вещами, съ книгами и множествомъ картинъ. Книги— большею частію иллюстрированные уличные романы, изъ которыхъ многіе съ несовѣмъ-скромными и даже съ очень-нескромными картинками; послѣднія такъ распространены по всей Японіи, что мнѣ нерѣдко случалось видѣть ихъ въ рукахъ дѣтей, совершенно понимающихъ то, что они видятъ; такія картины могли создать только развратные, несдерживаемые никакимъ нравственнымъ чувствомъ японцы. Эти картинки не случайно попадаютъ дѣтямъ; онѣ находятся на дѣтскихъ игрушкахъ, на летучихъ змѣяхъ; я видѣлъ уличнаго пряничника, который изъ сладкаго и мягкаго тѣста дѣлалъ для дѣтей, тутъ же расплачивавшихся съ нимъ, такія изображенія, которымъ было бы приличнѣе находиться развѣ въ анатомическомъ театрѣ!... А японцы съ виду такъ благонравны, водой не замутиять; согласите это съ ихъ благонравіемъ! При такомъ отсутствіи нравственнаго элемента, когда не щадятъ невинныхъ помысловъ дѣтства, загрязняя ихъ развратными образами, нечего удивляться, что у японцевъ нѣтъ правды и душевной чистоты, что они всѣ лжецы; общая подозрительность, слѣдствіе системы управления, развила шпіонство и, вмѣстѣ, цѣлую систему взаимнаго обмана, взаимнаго опасенія и недовѣрія; гдѣ же въ этой тинѣ искать благородныхъ началъ, вѣры въ добро, самопожертвованія для идей, чувства собственнаго достоинства, позыва къ

*

подвигу, и всего того, что составляет тотъ ключъ живой воды, безъ котораго всякій народъ не живетъ, а прозябаеть!

За то все, что составляетъ удобство жизни, что нѣжить рыхлое тѣло японца, что одѣваетъ его, окружаетъ и кормить,—все это доведено у него до возможнаго совершенства. Какихъ тканей не выдѣлываетъ онъ для своихъ церемоніальныхъ панталонъ, для своихъ кофть и халатовъ, отъ толстыхъ и негнущихся, какъ картонъ, до легкихъ и воздушныхъ, какъ паутина! Плетеніе изъ тростника и соломы тоже превосходно; всякая сандаля, даже на ногѣ нищаго, въ своемъ родѣ *chef-d'oeuvre*. Посмотрите на оружіе, на сабли съ рѣзною металлическою работою на рукояткахъ; право, отъ этой работы не отказался бы Бенвенуто-Челлини,—такъ она отчетлива и художественна. Или *нитцки*, пуговицы, о которыхъ я уже говорилъ. Въмѣстѣ съ искусствомъ работы, добродушный юморъ не оставляетъ скромнаго художника, котораго общественное положеніе стоитъ однако не выше положенія портнаго или столяра, потому что художникъ у японцевъ причисленъ къ кастѣ ремесленниковъ (*). Войдите въ домъ, самый

(*) Въ Японіи нѣтъ касты въ собственномъ смыслѣ слова, какъ въ Индіи. Жители дѣлятся на восемь классовъ, и состояніе ихъ наследственно. Переходы изъ одного класса въ другой, хотя возможны, но трудны. Вотъ эти классы:

1-й классъ—князья или *кюкь-сйу*.

2-й классъ—дворяне; они занимаютъ высшія должности и командуютъ войсками. Восемь изъ нихъ засѣдаютъ въ верховномъ совѣтѣ.

3-й классъ—духовенство.

4-й и 5-й классы—«саморай», или солдаты, вассалы дворянъ. По случаю долгаго мира, служба солдатъ ограничена занятіемъ карауловъ и почетной стражи. Этотъ классъ имѣетъ многія преимущества и вообще находится въ большожъ уваженіи.

Эти пять классовъ, за исключеніемъ духовенства, имѣютъ право носить двѣ сабли, одну длинную (*катана*), другую маленькую, родъ кинжала (*вакизаси*).

бѣдный по наружности. Не бойтесь, не поразить васъ то, на что наткнетесь въ жилищахъ бѣдняковъ въ какомъ-нибудь большомъ европейскомъ городѣ. Вы не рискуете задохнуться въ страшной атмосферѣ, или придти въ ужасъ отъ нечистоты и всякой гадости. Смѣло садитесь, или ложитесь на цыновку; она та же, что и у богатаго, по крайней мѣрѣ, такъ же чиста; спросите себѣ воды, и непременно найдется фарфоровая чашка, не засиженная мухами, но всегда чисто вымытая, изъ которой можно пить смѣло; спросите себѣ огня, чтобы закурить сигару, вамъ подадутъ небольшой деревянный ящикъ, чисто лакированный, съ каменною жаровней, на которой лежатъ нѣсколько горячихъ угольевъ. Надъ очагомъ, устроеннымъ на полу, виситъ чугунный чайникъ, въ которомъ кипятится вода; хозяйка постоянно хлопочетъ около него, одѣтая въ синій миткалевый халатъ; волосы ея, всегда причесанные, блестятъ, намазанные помадой. Простой народъ ѣстъ морскую капусту (*), которую сушатъ на лѣто и маринуютъ, да сухую рыбу; хорошо, если есть средство купить рису. Это

При церемоніяхъ, они имѣютъ право носить широкіе панталоны изъ драгоценныхъ матерій.

6-й классъ—негоціанты, составляющіе мѣщанство. Они часто покупаютъ себѣ позволеніе носить вакизаси.

7-й классъ вмѣщаетъ въ себѣ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и художниковъ; на послѣднихъ смотрятъ какъ на ремесленниковъ.

8-й классъ—земледѣльцы, поденщики, валовые рабочіе; они живутъ въ постоянной зависимости и похожи на нашихъ крѣпостныхъ.

Къ этимъ 8-ми классамъ можно было бы еще прибавить 9-й классъ, родъ парій. Къ нимъ принадлежатъ кожевники, палачи и всѣ тѣ, которые живутъ здѣсь за чертою городовъ. Подати, какъ въ Китаѣ, платятся съ земли. Наемная плата очень высока. Законы Японіи не различаютъ класса преступника.

(*) Эта капуста составляетъ до сихъ поръ главный вывозъ европейцевъ изъ Японіи въ Китай. При насъ ушли изъ Хакодади три большія американскія судна, нагруженные ею. Не тронуты пока ни мѣдъ, ни камфора, на которыя такъ надѣлись при открытіи Японіи.

бѣдняки, а потребность комфорта въ жизни развита и у нихъ. Ъдятъ они тоже очень опрятно, не залѣзаютъ пальцами въ блюдо, не сдѣлаютъ другаго какого-нибудь неприличія. Любаго японца можно посадить хоть за педантическій англійскій столъ, и онъ не сконфузитъ строгаго джентльмена.

Разсматривая картины японцевъ, я убѣдился въ томъ, что у нихъ больше способности къ рисованію, нежели у китайцевъ. Особенно отличаются японцы бойкими эскизами. О тѣняхъ они не имѣютъ никакого понятія, грѣшатъ также и въ изображеніи нагихъ людей, особенно если приходится рисовать ноги или руки въ ракурсѣ. Поэтому, бѣлая часть ихъ рисунковъ сначала поражаетъ безобразіемъ, но потомъ въ рѣдкомъ рисункѣ не найдешь двухъ-трехъ чертъ, которыя остановятъ вниманіе любителя. То граціозный поворотъ головы, то милая фигура какой-нибудь молоденькой дѣвушки, подбирающей рукою обширныя складки длиннаго халата, и спѣшащей идти, можетъ-быть, на свиданіе. Фигуры всегда размѣщены прекрасно, и притомъ въ нихъ почти всегда видѣнъ оттѣнокъ легкаго юмора. Громко смѣяться японецъ не смѣетъ, но по юмору его можно обо многомъ догадываться. Рисунки, требующіе точности, выполнены въ совершенствѣ, какъ на примѣръ, рисунки растеній, птицъ, оружія, дзонки, планы, и т. д. Едва ли есть въ Европѣ лучшее изданіе ботаники и орнитологіи, нежели у японцевъ!

Ходя по разнымъ лавкамъ, сопровождаемые теперь двумя чиновниками и цѣлою толпой полиціи, — предосторожность, вызванная происшествіями прежнихъ прогулокъ, — мы пришли между прочимъ въ огромный магазинъ шелковыхъ товаровъ. Это было большое двухъ-этажное зданіе, увѣшанное широкими занавѣсами, съ различными изображеніями. Въ нижнемъ этажѣ было столько мальчиковъ и прикащиковъ, что сначала мы приняли магазинъ этотъ

1871
1872
1873
1874
1875

1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930

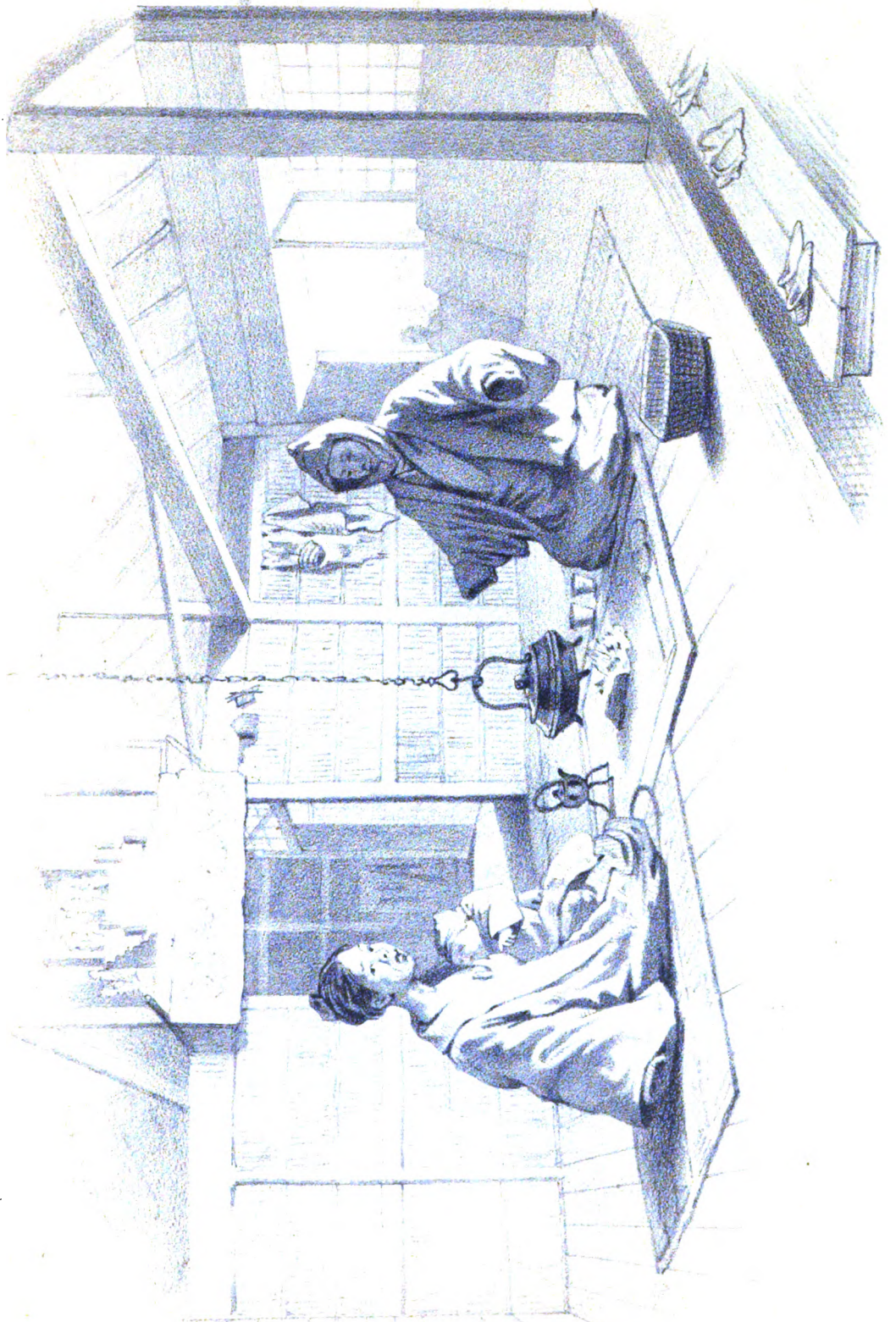

Figure 1

за школу. Насъ попросили наверхъ, и, пока носили матеріи, угощали чаемъ и грушами. Въ сторонѣ была небольшая комната, гдѣ сидѣлъ хозяинъ за столикомъ и вѣроятно сводилъ счеты; сидѣлъ онъ, разумѣется, поджавши подъ себя ноги, на полу. Это былъ человѣкъ, какъ казалось, увѣренный въ себѣ; по магазину можно было судить о его состояніи; по уваженію окружавшихъ его, видно было его значеніе. Всякій приходившій къ нему повергался ницъ, какъ передъ божествомъ, и, лежа въ прахѣ, нѣсколько отдѣливъ отъ земли склоненную на бокъ голову, подобострастно выслушивалъ приказанія, ежеминутно втягивая въ себя воздухъ, отрывисто, какъ будто съ наслажденіемъ, приговаривая послѣ каждаго втягиванія, также отрывочно: «хе, хе...» Но вотъ послышался какой-то шумъ внизу, прикащики что-то тревожно забѣгали: по лѣстницѣ поднималось новое лицо, вѣроятно столько же значительное, какъ и хозяинъ. Оба они поклонились другъ другу въ ноги, и долго я любовался утонченною ихъ вѣжливостію. Ни одинъ не хотѣлъ уронить себя. Чтò сцена Манилова съ Чичиковымъ, въ дверяхъ!... Предложить одинъ другому трубку, затынется воздухомъ, тономъ человѣка, расслабленнаго отъ истомы наслажденія, какое доставляетъ ему гость, даже со взглядомъ, выражающимъ упоеніе, что-то такое скажетъ и припадетъ къ землѣ. Тотъ возьметъ трубку съ тою же процедурой, и въ свою очередь припадетъ къ землѣ. Церемонія эта продолжалась съ полчаса; наконецъ обоюдные поклоны стали чаще, втягиваніе въ себя воздуха сдѣлалось до того сильнымъ, что, казалось, эти живые воздушные насосы задушатъ насъ, невинныхъ свидѣтелей; дѣло, однако, шло къ концу, къ прощанью. Какъ жаль, что мы не знали японскаго языка! Интересно бы послушать, чего они другъ другу наговорили. Гость ушелъ, а хозяинъ по прежнему, принявъ свой увѣренный видъ, занялся дѣломъ. Пока я любовался изъясненіями японской вѣжливо-

сти, передъ нами раскладывались богатства шелковыхъ произведеній. Выборъ былъ такъ великъ, что мы рѣшительно ничего не выбрали, сказавъ, что придемъ «завтра». Слово это такъ необходимо для русскаго, что всякій изъ насъ его знаетъ даже по-японски: «міонитци», говорили мы, уходя...

На улицѣ встрѣтили мы длинную процессію: около пятидесяти норимоновъ (носилокъ) слѣдовали одинъ за другимъ. Норимоны всѣ были по одному образцу, — красные. покрытые превосходнымъ лакомъ и обитые по угламъ бронзовыми украшеніями; за каждымъ, кромѣ обычной прислуги, шли по двѣ молодыя женщины, одинаково одѣтыя; нѣкоторыя изъ нихъ были очень хороши собою. Можно было думать, что это былъ гаремъ какого-нибудь князя, отправлявшійся, можетъ быть, съ визитомъ. Черезъ сквозившіяся занавѣски, сдѣланныя изъ тонкой соломы, видны были фигуры сидѣвшихъ женщинъ; нѣкоторыя приподнимали занавѣски, и мы видѣли старухъ и женщинъ среднихъ лѣтъ, съ черными зубами; ни одной не было молодой, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли. Одѣты онѣ были скромнѣе служанокъ; безцвѣтность ихъ халатовъ отличалась отъ яркихъ поясовъ прислужницъ, стягивавшихъ легкія складки свѣтлосинихъ тюникъ, въ которыхъ щеголяли молоденькія мусуме, къ сожалѣнію страшно набѣленные и нарумяненные.

Я назвалъ это собраніе женщинъ гаремомъ. Но гаремомъ, въ настоящемъ значеніи, съ ихъ законами и заключеніемъ, въ Японіи нѣтъ. Положеніе женщинъ, хотя онѣ и подчинены мужьямъ, сноснѣе здѣсь, нежели гдѣ нибудь въ Азіи; онѣ занимаютъ мѣсто въ обществѣ и раздѣляютъ всѣ удовольствія съ своими мужьями, братьями и отцами; вообще онѣ пользуются извѣстною свободой и рѣдко употребляютъ ее во зло. Женщины непринужденны въ обхожденіи и умѣютъ сдерживать себя въ извѣстныхъ гра-

ницахъ благопристойности. Даже у простыхъ женщинъ есть своего рода *элегантность*; у всѣхъ есть, конечно, нѣкоторая доза кокетства, но за то есть и умѣнье управлять домою. Кромѣ законной супруги, японецъ можетъ имѣть нѣсколько наложницъ (число не ограничено); имѣеть право удалить жену, которую однако обязанъ кормить, если она не бесплодна и не сдѣлала какого нибудь проступка.

Хотя хозяйка управляетъ домою, но она не принимаетъ участія во всѣхъ дѣлахъ мужа; на нее смотрятъ скорѣе какъ на игрушку, нежели какъ на участницу радостей, заботъ и печалей. «Когда мужъ посѣщаетъ покой жены своей, говорятъ японцы, то оставляетъ всѣ свои заботы за собою и желаетъ только насладиться удовольствіемъ.»

Японцы женятся въ молодости и избѣгаютъ неравныхъ браковъ; часто свадьба рѣшается выборомъ родителей. Если же молодой человекъ выбираетъ самъ, то, въ видѣ объясненія, втыкаетъ въ домъ родителей своей любезной вѣтвь *Eclastrus alatus*. Убранная вѣтвь означаетъ согласіе. Женщина, для выраженія чувства взаимности, краситъ свои зубы черною краскою. Всѣ церемоніи свадьбы сопровождаются подарками. Когда невѣсту вводятъ въ домъ жениха, она покрывается бѣлымъ покрываломъ, въ знакъ того, что она умерла для своего семейства, и должна жить только для мужа. Говорятъ, что при свадьбахъ нѣтъ никакихъ религіозныхъ церемоній (Фитзингъ); не знаю навѣрное, правда ли это.

Какъ скоро замѣчаютъ, что женщина готова быть матерью, ей дѣлаютъ вокругъ чреслъ широкую повязку изъ краснаго репа, и стягиваютъ ею животъ, съ соблюденіемъ различныхъ церемоній; ибо «если ея не стянуть, то ребенокъ привлечетъ къ себѣ всѣ соки, и мать умретъ съ голоду». Обычай этотъ ведется съ одной вдовы

микадо, которая въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности повязкою замедлила роды, и, ставъ въ главѣ арміи, побѣдила корейцевъ (?). Съ родами шарфъ этотъ снимается. Девять дней послѣ родовъ женщина проводитъ непрерывно сидя, обложенная со всѣхъ сторонъ мѣшками съ рисомъ, и еще сто дней смотрять на нее какъ на больную, а по истеченіи ихъ она идетъ въ храмъ, для принесенія молитвъ и для исполненія обѣтовъ, если она ихъ давала.

Новорожденнаго сейчасъ же моютъ и оставляютъ неподѣтымъ до принятія имени, которое дается мальчику на тридцать первый, дѣвочкѣ — на тридцатый день. При этомъ ближайшій родственникъ даритъ ему конопли (символь долголѣтія) и другіе талисманы: мальчику два — въера и сабли (символь храбрости), а дѣвочкѣ — разноцвѣтныя раковины и черепа черенахъ, какъ символъ красоты и прелести.

Оба пола ходятъ въ приготовительныя школы, гдѣ учатъ читать, писать и краткой отечественной исторіи. Этимъ кончается образованіе дѣтей бѣдныхъ классовъ; для богатыхъ есть высшія школы, гдѣ преподаются правила церемоніаловъ, сопровождающихъ каждый актъ жизни японца; также знаніе календаря, съ счастливыми и несчастливыми днями, математика, и развивается ловкость тѣла фехтованіемъ, стрѣляніемъ изъ лука. Правила о *хара-кири*, то-есть, какъ и въ какихъ случаяхъ должна производиться эта героическая операція, также составляютъ предметъ обученія въ высшихъ школахъ. Дѣвочки учатъ рукодѣльямъ, домохозяйству, музыкѣ, танцамъ и литературѣ. Въ Японіи есть много женщинъ писательницъ!.. Въ пятнадцать лѣтъ воспитаніе ихъ кончается.

Въ Японіи есть заведенія, занимающія какою то срединою между школой для воспитанія дѣвушекъ и домовъ *бядерокъ*. Это такъ называемые *чайныя дома*.

Тамъ часто живетъ до ста женщинъ. Съ виду дома эти похожи на гостиницы, гдѣ можно достать чай, саки, ужинъ, слушать музыку, видѣть и танцовщицъ..... Бѣдные люди, имѣющіе хорошенькихъ дочерей, отдаютъ ихъ съ дѣтства содержателю подобнаго дома, и онъ обязанъ дать ребенку блестящее воспитаніе. Дѣвушка остается извѣстное число лѣтъ при заведеніи, чтобы вознаграждать истраченныя на нее деньги; по истеченіи срока она или возвращается домой, или, что всего чаще, выходитъ замужъ. Поведеніе дѣвушекъ здѣсь не ставится имъ въ вину, и на нихъ не падаетъ дурная слава, хотя, правда, родители ихъ за это не очень уважаются. Дѣвушки эти должны быть образцами свѣтскаго воспитанія; часто приводятъ дворяне и другіе важные японцы женъ своихъ въ эти мѣста, чтобы онѣ учились музыкѣ, литературѣ и вообще хорошимъ манерамъ.

Японскій женскій костюмъ недурень; прямо на тѣлѣ носятъ онѣ коротенькую юпочку изъ краснаго крепа, плотно обхватывающую тѣло, и креповую кофту, съ широкими рукавами, обыкновенно яркаго цвѣта, съ крупными узорами; сверхъ этой кофты надѣваютъ двѣ, или три подобныя же, такъ, чтобы воротничокъ нижней былъ немного виднѣнъ сверху верхней. На ногахъ, какъ у мужчинъ, бумажные чулки, завязываемые выше колѣнъ, и соломенные сандаліи, укрѣпленныя соломенными шнурками, которые проходятъ между большимъ пальцемъ по подошвѣ; эти сандаліи часто очень изящны по своей тонкой работѣ. Для ходьбы по грязи употребляютъ деревянные подставки, родъ маленькихъ скамеечекъ. Все это платье замѣняетъ наше бѣлье; но сверхъ всего этого надѣвается длинный халатъ, который у богатыхъ волочится по землѣ и перетягивается поясомъ. Смотря по погодѣ, надѣваютъ два, три, а иногда до тридцати халатовъ, и каждый подвязанъ поясомъ; послѣдній, верхній поясъ

всегда особенно роскошенъ; онъ бываетъ шириною до 12 дюймовъ, дѣлается изъ богатой шелковой матеріи и сзади завязанъ большимъ бантомъ. У простыхъ женщинъ, сверхъ халата, надѣвается еще коротенькая кофта съ широкими рукавами, разрѣзанными подъ мышкой, какъ у всѣхъ другихъ халатовъ, и зашитыми на половину у руки, такъ что образуется родъ мѣшка, куда кладется все, что надо потомъ бросить или спрятать,—кусокъ недоѣденнаго кушанья, бумажка, которою «обходятся вмѣсто платка», и т. д. Цвѣтъ верхнихъ халатовъ обыкновенно скромень—темносиній или темнокоричневый, съ тоненькими полосками; у женщинъ же, живущихъ въ чайныхъ домахъ и выставляемыхъ по вечерамъ на-показъ, при свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей, халаты бросаются въ глаза роскошью цвѣтовъ, арабесокъ, вышитыхъ шелкомъ и золотомъ, длинными шлейфами, влачащимися по полу, и т. д. Волосы, всегда черные и глянцевитые, собираются къ верху отъ затылка, и напоминали бы древне-греческія прически, еслибы только ихъ не пестрили вплетаемыми гофрированными разноцвѣтными крепами, длинными роговыми и черепаховыми иглами, вставляемыми со всѣхъ сторонъ, и иногда проволоками, которыя поддерживаютъ волосы, чтобы они лучше стояли. Бѣлятся и румянятся до крайности, чѣмъ страшно портятъ свой естественный цвѣтъ лица, который очень бѣлъ и свѣжъ, что видно у бѣдныхъ дѣвушекъ. Сначала выбѣляютъ все лицо, потомъ слабо-розовымъ тономъ покрываютъ щеки отъ бровей до подбородка, оставя верхъ носа и самый подбородокъ; брови обводятъ черною краской, губы намазываютъ шафраномъ, отчего онѣ современемъ синѣютъ, что составляетъ нес plus ultra японской красоты; иногда же среди губъ нарисуютъ темненькую пуговку... Однимъ словомъ, глядя на изуродованное всѣмъ этимъ лицо японки, убѣждаешься, что нѣтъ глупости, до которой не довело бы

желаніе нравиться. Замужнія красятъ зубы такимъ ѣдкимъ составомъ, что надо покрывать десны особеннымъ вязкимъ тѣстомъ, чтобы предохранить ихъ отъ этого состава. Впрочемъ, женщины въ Японіи совершенно правы, потому что мужчины тамъ не меньше, если не больше, заняты собою. Но жаль, что японки такъ портятъ себя: въ ихъ естественномъ видѣ онѣ очень недурны лицомъ; у нихъ много граціи.

Улица, по которой мы шли, поднимаясь въ гору, представляла съ одной стороны рядъ храмовъ, окруженныхъ садами и воротами, къ которымъ вели высокія лѣстницы; съ другой стороны тянулись длинныя стѣны какого-то княжескаго дворца; на этой улицѣ жилъ въ прошломъ году графъ Путятинъ. На горѣ увидѣли мы длинную галерею, всю увѣшанную фонарями. Къ ней, между деревьями и кустами, шла лѣстница, съ широкими каменными ступенями, которыхъ было больше ста; по мѣрѣ того, какъ мы поднимались по ней, открывался городъ, цѣлое море строеній, упиравшихся дѣйствительно въ море, синею полосой лежащее на горизонтѣ; едва-едва можно было разсмотрѣть мачты нашихъ судовъ; а масса выштукатуренныхъ домовъ, покрытыхъ черепицей, такъ велика, что большіе сады, около которыхъ мы проходили, казались букетами, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ. Горы и холмы скрадывались, все было ровно, точно планъ, начерченный на листѣ бумаги. Въ галереѣ были устроены скамейки, и нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ предложили намъ выпить чаю. Мы находились во владѣніяхъ храма бога войны; самъ богъ, въ колоссальномъ бронзовомъ изображеніи, сидѣлъ неподалеку, между деревьями: это была толстая, неопредѣленная личность, съ саблею въ рукѣ; такъ какъ войны уже вывелись въ Японію, то и богъ скромно сидитъ въ кустахъ, никого не смущая. Въ галереѣ было дѣйствительно хорошо. Японцы страш-

ные сибариты, рассчитывают на мѣсто отдыха послѣ прогулокъ, пользуясь всякимъ пунктомъ, откуда открывается хорошій видъ; на такомъ мѣстѣ устраивается бесѣдка, или павильонъ. А гдѣ есть бесѣдка, тамъ сейчасъ прилаживается переносная чайная, съ горячею водою, кипящею въ чугунномъ чайникѣ, и цѣлымъ строемъ маленькихъ чашечекъ. Хозяйка — обыкновенно старуха, съ сморщеннымъ лицомъ и черными зубами; что за удовольствіе пить чай, когда вамъ подаетъ его такое некрасивое существо? Старушка это знаетъ, и потому беретъ къ себѣ двухъ или трехъ молоденькихъ дѣвочекъ въ услуженіе, если не имѣетъ дочери или племянницы. Утомленный долгою ходьбой, всякій съ наслажденіемъ ложится на скамейку, покрытую чистою и мягкою цыновкой, подъ тѣнь навѣса, лаская свой усталый взглядъ ипревосходнымъ ландшафтомъ, разстилающимся передъ нимъ, и лукавою улыбкой молоденькой мусуме, подающей ему ароматическій напитокъ. Привыкшіе къ нашимъ самоварамъ, мы требовали часто повторенія, и выпитыя чашки считались десятками, что возбуждало смѣхъ, багъ прислужницъ, такъ и неоставлявшей насъ публики, которая провела насъ по лѣстницѣ и на которую мы уже смотрѣли равнодушно, какъ на *conditio, sine qua non*.

Утомленные дневными скитаніями, вечеръ провели мы въ «*oeil de bœuf*». У широкой арки висѣло четыре японскіе фонаря, а двое часовыхъ, опершись на ружья, составляли прекрасную раму ночи, глядѣвшей на насъ своимъ таинственнымъ мракомъ, и говорившей немолчными голосами своихъ крикливыхъ цикадъ. «Вы все искали восточныхъ картинъ, говорилъ я И. И., а развѣ это не восточная картина? Посмотрите на этотъ свѣтъ фонарей, падающихъ на часовыхъ, смотрите на эту арку, а тамъ въ тѣни воображайте что хотите, хоть гаремъ...» —

«Да тутъ гаремъ и есть, сказалъ кто-то:—въ противоположномъ домѣ, что стоитъ въ саду, видѣли вы прехорошенькихъ японокъ?»

А главное то, что вечеромъ не возвращаться на клиперъ; обрѣтаешь въ себѣ чувство свободы, независимости—до завтра. Въ продолженіе цѣлаго года не приходилось намъ испытывать подобное прекрасное чувство...

Лошади были заказаны съ вечера въ японской караулкѣ. Легли спать, кто гдѣ нашель мѣсто.

На другой день, рано утромъ, едва солнце начало разгонять туманъ, лежавшій на желтыхъ водахъ залива, я верхомъ пріѣхалъ на пристань, чтобы встрѣтить желавшихъ участвовать въ нашей экскурсіи. Въ условный часъ катера еще не было. Несмотря на раннее время, бѣольшая часть лавокъ уже была открыта, начиналось движеніе; не видно было только чиновниковъ, еще нѣжившихся, вѣроятно, подъ своими ваточными халатами и одѣялами. Я привязалъ лошадь къ столбу, а самъ сѣлъ въ устроенномъ на берегу балаганѣ, откуда мнѣ были видны укрѣпленія, и слѣдовательно, я не пропустилъ бы катера, который долженъ былъ пройти между первымъ и вторымъ бастіонами.

Воздухъ былъ свѣжъ, но тою теплою свѣжестью, которая обѣщаетъ жаркій день; палевое освѣщеніе гуляло и по отдаленнымъ судамъ и укрѣпленіямъ, и по сотнямъ рыбачьихъ парусовъ, сновавшихъ въ разныхъ направленіяхъ, и по зданіямъ набережной. По тихой водѣ, дѣйствуя двумя веслами, плыль рыбакъ на маленькой лодчкѣ; скорый ходъ бросалъ ее изъ стороны въ сторону, и она неслась быстро мимо. Въ балаганѣ были сгаемейки и чайная, и, натурально, хорошенькая прислужница, вѣроятно недавно вставшая. На лицѣ ея были еще слѣды ночной нѣги, глаза были подернуты влагой, бронзовыя щеки блестя естественнымъ румянцемъ. Голосомъ ме-

лодическимъ и серебрянымъ, въ которомъ слышался удивительно пріятный металлическій звукъ, съ обворожительною улыбкой, предлагала она чаю, и чай, здѣсь, на своей родинѣ, не кажется тѣмъ прозаическимъ напиткомъ, который мы привыкли соединять съ пыхтвнѣемъ и испариной какого нибудь господина, опоражнивающего пятый стаканъ. Изъ маленькой чашечки прозрачнаго фарфора, только что облитый горячею водою, пьешь первый данный имъ ароматъ, — слабый, тонкій, для грубаго вкуса неуловимый.

Но вотъ показалось знакомое вооруженіе нашего катера; изъ-за батарей, какъ лебедь, засіялъ онъ своими парусами, освѣщенный утреннимъ солнцемъ.

Шумною кавалькадой, на хорошо-выѣзженныхъ и довольно рьяныхъ японскихъ лошадяхъ, различно убранныхъ, отправились мы смотрѣть знаменитый храмъ—*Гору золотого дракона (Дзинъ лунъ шанъ)*, какъ написано на планѣ, китайскими знаками; японцы называютъ этотъ храмъ *Асакуса* (не знаю значенія этого слова). До него было добрыхъ пятнадцать верстъ. А онъ находится внутри города, и мы не съ самаго его конца считали расстояние; это даетъ маленькое понятіе о величинѣ города. При каждой лошади былъ проводникъ; мы извлекли изъ нихъ двойную пользу, навьючивъ ихъ обѣдомъ, виномъ, бѣльемъ и проч. У меня былъ вороной конь, вѣроятно изъ чиновныхъ, потому что у него были на холкѣ три косички, связанные кисточками кверху, на копытахъ синіе чулки съ соломенными сандаліями; на сѣдлѣ была мягкая подушка, на которой было очень ловко сидѣть, особенно опираясь на массивныя стремяна, имѣющія форму широкой полосы желѣза, согнутой крючкомъ. Впереди насъ, молодцовато сидя на горячихъ лошадяхъ, ѣхали два *якунина*; легкіе и широкіе рукава ихъ синей верхней одежды развѣвались какъ крылья бабочекъ; круглая

соломенная шляпа, прикасавшаяся только одною точкой къ макушкѣ, и поднятыя кверху поля придавали имъ какой-то легкой и красивый видъ. Японецъ на конѣ напоминаетъ всадника среднихъ вѣковъ. Классическимъ типомъ красоты наѣздника мы привыкли вообразать черкеса, несущагося на своемъ карагезѣ; венгерца, пустившаго по вѣтру свой гусарскій доломанъ; бедуина, съ красивыми складками бѣлаго бурнуса и ятаганомъ за широкимъ поясомъ, или, наконецъ, козака, съ пикою въ рукѣ, склонившагося къ лугѣ; но къ нимъ надобно прибавить и японца, который, при своей оригинальности, такъ же хорошъ и такъ же молодцоватъ; только въ его молодцоватости есть что-то нѣжное, даже женственное, какъ въ молодцоватости амазонки. Ему ли, кажется, одѣтому и укутанному въ шелковыя ткани, едва передвигающему ноги, потому что церемоніальныя панталоны, какъ путы, мѣшаютъ движениямъ,—ему ли, съ цѣлымъ арсеналомъ за поясомъ, съ прической, на которой подобранъ волосокъ къ волоску,—ему ли, женоподобному, садиться на лошадь?.. Но посмотрите, какъ красиво, какъ граціозно изогнулъ онъ станъ, какъ управляется съ своею горячею лошадью, и какъ самый костюмъ, теперь ловкій и удобный, украшаетъ его.

Мы ѣхали за чиновниками; скоро въ характерѣ ѣзды стали сбозначаться характеры каждаго ѣздока: видимо общество дѣлилось на двѣ партіи,—на людей, желавшихъ посмотреть и себя показать, и другихъ, исключительно желавшихъ только людей посмотреть. Последніе настойчиво ѣхали шагомъ, несмотря на рысь и курцъ-галопъ переднихъ. А такъ какъ нельзя было раздѣляться, то скачущіе возвращались, или дожидались отстающихъ, что не мало тревожило чиновниковъ, назначенныхъ къ намъ въ надзиратели и буквально *животомъ* отвѣчавшихъ за цѣлость каждаго изъ насъ. Если кому въ Эддо дѣйстви-

тельно неприятно было пребываніе здѣсь русскихъ, то конечно чиновникамъ; въ этотъ день, думаю, не мало случилось на насъ ругательствъ на японскомъ языкѣ.

Заранѣе предупрежденная полиція ждала насъ на каждомъ перекресткѣ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пересѣкали нашу улицу другія, протянуты были веревки, чтобы не пускать народа. Такъ какъ мы проѣзжали много такихъ мѣстъ, гдѣ еще прежде не бывали, то публики было много. Мы проѣзжали улицами съ превосходными домами и магазинами; нѣкоторые дома были такъ хорошо выштукатурены, что казались сложеными изъ цѣльнаго мрамора, между тѣмъ какъ во всей Японіи нѣтъ ни одного каменнаго зданія; причина этого—частыя землетрясенія: деревянный домъ если и разрушится, то можетъ быть выстроенъ въ самое короткое время. За исключеніемъ главныхъ столбовъ и перекладинъ, почти весь домъ можно купить въ лавкѣ: картонные щиты, ширмы, циновки—вотъ изъ чего все состоитъ. Къ храму примыкала прямая улица изъ низенькихъ лавокъ, гдѣ продавалась разная мелочь. Видно было, что здѣсь уже начинались владѣнія храма, и торговцы ждутъ богомольцевъ и посѣтителей, чтобы имъ, на дорогѣ, сбывать всякую дрянь,—что мы находимъ и у насъ при всякомъ монастырѣ. Оставивъ лошадей, мы пошли пѣшкомъ. Передъ нами были громадныя ворота (ворота человѣколюбиваго князя) съ преобладающими горизонтальными линіями, украшенныя массивными деревянными арабесками; почти все было выкрашено красною краскою, такъ же какъ и самый храмъ и другія принадлежащія къ нему строенія. Свѣзвъ ворота видѣлась продолжающаяся прямая улица, выложенная широкою плитой; она оканчивалась площадью, среди которой возвышалось величественное зданіе храма, съ исполинскою, прямою, черепичною крышею, съ широкими лѣстницами, идущими на пространную галерею,

обносящую со всѣхъ сторонъ главный корпусъ. Крыша широкимъ навѣсомъ висѣла надъ террасой; стоявшему подъ нимъ видны были деревянныя рѣзные украшения, которыми изобилуетъ главный карнизъ и подбой навѣса. Между арабесками были изображенія драконовъ, звѣрей, цапли; смѣлая линія этихъ фигуръ невольно обращала на себя вниманіе. На самой крышѣ были также драконы, но все это терялось въ обширности зданія и смотрѣло простымъ арабескомъ. Нѣсколько открытыхъ дверей чернѣли мрачною глубиной огромнаго пространства, видимаго черезъ нихъ; въ эти двери видны были исполинскіе фонари самыхъ разнообразныхъ формъ, колонны, канделябры и другія принадлежности храма; иное совершенно терялось въ темотѣ, другое едва обозначалось въ полумракѣ и блестѣло только металлическими украшениями, на которыхъ отражалось солнце, пробившееся сквозь деревья, окружающія храмъ со всѣхъ сторонъ. За храмомъ разросся вѣковой садъ; всякое дерево могло быть святыней для народа, дальніе предки ходили подъ почтенную тѣнь этихъ деревъ, далеко распространившуюся отъ исполинскихъ стволовъ, съ громадными вѣтвями и роскошною листвою. По мѣрѣ нашего приближенія къ храму, соотвѣтствіе всѣхъ его частей, скрадывавшее сначала его огромность, какъ будто исчезало. Когда мы увидѣли тысячи народа, толпившагося внутри храма, и казавшагося незамѣтнымъ въ тѣсотѣ колоннъ, массивныхъ канделябръ и фонарей, висящихъ на исполинскихъ перекладинахъ потолка, исчезающаго въ темнотѣ, то невольное чувство высокаго охватило душу. Безмолвно вошли мы въ храмъ, народъ разступался передъ нами: многолюдность, шумъ и говоръ пропадали въ огромности зданія. Главный алтарь отдѣлялся нѣсколькими колоннами и болѣе возвышеннымъ мѣстомъ; тамъ стояли бонзы; они почтительно намъ поклонились. Когда мы вышли, на-

родъ столпился на балконѣ, рисуясь тысячеглавою группой на фонѣ темныхъ аркадъ капища; я вспомнилъ тѣ картины Пуссена, въ которыхъ не личность, не мѣстность, а цѣлая эпоха, цѣлое происшествіе составляютъ сюжетъ...

Нечего пересчитывать все то, что мы видѣли въ храмѣ; по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я не разсматривалъ, даже не старался запомнить, но весь предался охватившему меня чувству, которому можно приискать какое угодно названіе; можно, пожалуй, назвать его экстазомъ; подъ влияніемъ этого чувства, человѣку хочется молиться; всѣ мы больше или меньше ощущали то же, чему доказательствомъ служить то, что всѣ вышли молча и долго еще стояли передъ храмомъ, пока не вспомнили, что туристамъ надобно же «осматривать».

Въ числѣ существъ, которымъ посвященъ этотъ храмъ, играетъ важную роль «лошадь». Въ самомъ храмѣ, на стѣнахъ, я видѣлъ нѣсколько изображеній лошади; наконецъ, по близости въ особенномъ зданіи стояло два живые коня, совершенно бѣлые, съ розовыми мордочками, съ розовою кожей около глазъ и въ красныхъ попонахъ. Это были священные кони. При храмѣ находится цѣлый городъ; кромѣ безчисленныхъ ларокъ и таберъ, къ нему примыкаетъ большой Сотаническій садъ, съ прудами, мостиками, цвѣтниками, звѣринцами, театромъ маріонетокъ и кабинетомъ фигуръ. Иногда, въ чащѣ лѣса, встрѣчались монументальныя изображенія канонизованныхъ святыхъ, то-есть смертныхъ, возвышенныхъ въ достоинство *ками* или *буддъ*,—это были колоссальныя бронзовыя фигуры, большею частію сидящія, довольно уродливыя; иногда онѣ служили украшеніемъ фонтана, вода котораго освѣжала прохожихъ.

Среди сада, въ хорошенькомъ павильонѣ, насъ ждалъ завтракъ. Явились шримпсы, яйца, рисовые пирожки, кастера и привезенные нами припасы.

Въ кабинетѣ фигуръ я еще больше убѣдился, что японцы не лишены художественнаго пониманія вещей, и что очень немного надо, чтобы между ними процвѣло искусство. Всѣ наши кабинеты восковыхъ и другихъ фигуръ всегда имѣютъ интересъ побочный; они интересны для насъ потому, что въ нихъ мы видимъ или портретъ какого-нибудь знаменитаго человѣка или его костюмъ, и т. п. Здѣсь же фигура обращаетъ на себя вниманіе своимъ художественнымъ исполненіемъ. Представленъ, напримѣръ, японецъ, читающій книгу; у него немного слабы глаза, или онъ грамоту плохо разбираетъ, вслѣдствіе чего на всемъ его лицѣ выраженіе усилія, и сколько въ этомъ естественности и правды! А техническая часть такъ исполнена, что, если посадить эту фигуру на улицѣ, всѣ примутъ ее за живаго японца; даже костюмъ на немъ старый и подержанный. Всѣ другія фигуры больше или меньше въ родѣ первой; ни одна не представляетъ ни знаменитаго воина, ни знаменитаго карлика, — каждая взята изъ дѣйствительной жизни. Вотъ женщина моетъ ребенка, вотъ писецъ, вотъ японка, совершающая свой туалетъ, сердитая и ворчливая, а горничная сзади, совершенно равнодушная къ привычному ворчанью кокетки, усердно натирающей свои щеки бѣлилами и румянами. Въ средней комнатѣ представлено море и нѣсколько фигуръ, — вѣроятно спасающіеся послѣ кораблекрушенія; одинъ борется съ волнами, другихъ выбросило на берегъ; усталый, истомленный хватается за камень, но, кажется, набѣжавшая волна смоетъ его; на лицѣ видна борьба надежды съ отчаяніемъ. На этомъ же морѣ стоитъ красиво отдѣланная джонка, и служитъ сценой для кукольной комедіи. Механизмъ куколъ доведенъ до такого совершенства, что

маріонетки кажутся здѣсь совсѣмъ не тою пошлостію, какою онѣ являются у насъ. Фигура по совершенно-гладкой доскѣ подходитъ къ вамъ аршина на три отъ сцены и дѣлаетъ различные фокусы, и притомъ безъ рѣзкости движеній, а съ такою плавностію, что какъ будто въ ней дѣйствуетъ не проволока и шалнеръ, а живой нервъ и кровь! Прибавьте къ этому роскошную обстановку и костюмъ.

Было часовъ 12; по нашему расчету, намъ предстояло осмотрѣть еще два мѣста, болѣе или менѣе замѣчательныя; что они существовали—въ этомъ никто не сомнѣвался, но гдѣ они, этого-то мы не знали; да и разпросить не умѣли. Изъ насъ были нѣкоторые, зимовавшіе въ Нагасаки, и знаніе ихъ въ японскомъ языкѣ мы считали за фактъ, слушая ихъ разговоры съ японцами, разговоры безъ цѣли, съ употребленіемъ только тѣхъ словъ и выраженій, которыя были извѣстны. Теперь же, когда намъ понадобилось ихъ знаніе, увы! кромѣ «ватакуси, варуй, наканака-іой» и другихъ, всѣмъ извѣстныхъ, словъ ничего не выходило! Находчивые, какъ русскіе, мы разложили передъ чиновниками планъ Эддо и указали пальцемъ на самое зеленое мѣсто. Въ зеленое мѣсто ѣхать оказалось нельзя,—это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ храмовъ, смотрѣть которые было особенно запрещено; нечего дѣлать, указали на другое мѣсто, также зеленое; оказалось, что до него очень далеко, не успѣешь; а вотъ еще третье, не зеленое, а красное на планѣ; туда можно, и тамъ также, говорятъ, очень хорошо; поѣхали въ красное мѣсто. Оно находилось близко; черезъ три четверти часа мы были уже тамъ и рѣшили, послѣ отдыха, опять обратиться къ плану; не возвращаться же домой!

Красное мѣсто былъ также храмъ, гораздо меньше осмотрѣннаго нами утромъ. Внутри его висѣла исполинская сабля, въ нѣсколько саженой длины, вся отдѣланная

золотомъ. Не это ли сказочный мечъ-кладенецъ? Храмъ стоялъ на горѣ; у обрыва устроена галерея, такъ похожая на ту, которую мы вчера видѣли, что нѣкоторые привяли ее за ту же самую. Была даже такая же старушка съ молоденькими прислужницами у чая; только видъ сверху, похожій тоже на вчерашній, былъ гораздо обширнѣе. Эта гора была отъ вчерашней верстахъ въ пяти, въ глубинѣ города. Съ первой видно было море и укрѣпленія, съ этой—только одни зданія. Если бы рисовать этотъ видъ, надо было бы оставить на листѣ бумаги одну четверть для неба: а другія три четверти наполнить крышами, и чѣмъ больше бы ихъ умѣстилось, тѣмъ видъ былъ бы похожѣе. Всякая выдающаяся часть исчезала, даже осмотрѣнный нами утромъ громаднѣйшій храмъ, съ его садами, казался небольшимъ островкомъ зелени въ этомъ разливѣ улицъ и строеній.

Вытащенъ былъ еще разъ планъ; чиновники оказали рѣшительное сопротивленіе; бабья ихъ натура совершенно разслабѣла; но и мы были не изъ уступчивыхъ. Есть лошади, есть время; какъ же не пользоваться этимъ? Надобно прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Указавъ имъ зеленое мѣсто, до котораго, какъ они говорили, очень далеко, мы сказали, что поѣдемъ непременно туда, а они, если хотятъ, могутъ убираться, куда имъ угодно. Бросить насъ они не могли,—имъ бы животь распороли, или, пожалуй, сдѣлали еще что-нибудь похуже. Поѣхали, и они за нами; но дорогой поднялись на хитрости: вдругъ повернули налѣво, когда слѣдовало ѣхать направо. Нѣкоторые, не подозрѣвая обмана, довѣрчиво слѣдовали за ними, но имѣвшіе въ рукахъ планъ заставили ихъ вернуться. Тогда чиновники, увидавъ, что ничѣмъ не возьмешь, смиренно поѣхали впередъ, не уклоняясь отъ назначеннаго пути.

Нечего говорить, что и тѣ улицы, по которымъ мы ѣхали, кишѣли народомъ и лавками; вездѣ толпа, множество, безконечность... Но вотъ переѣхали широкую площадь; на нее выходилъ какой-то княжескій дворецъ съ обширнымъ садомъ; около домовъ стала попадаться зелень, цвѣтники, наконецъ, сплошная масса растительности, гдѣ между кедромъ и ясенью, дубомъ и масличнымъ деревомъ, видѣлась пальма (*Lalania*), банановый листъ и тонкій граціозный бамбукъ. Въ цвѣтникахъ красовались камелии—здѣсь ихъ родина—онѣ у себя дома. Около нихъ пестрѣла богатая флора; красовались тысячи роскошныхъ цвѣтовъ съ разнообразною листвою, съ блистающими вѣнчиками, и надобно замѣтить, что японцы, можетъ быть, первые въ свѣтѣ садоводы. Потянулась улица съ небольшими храмами, прикрывшимися цвѣтниками и садами; у воротъ и калитокъ мелькали дѣти. Кончились храмы, потянулись сплошные палисады, съ тѣнью отъ нависшихъ высокихъ деревьевъ. Отрадно было дышать въ этихъ затишьяхъ, послѣ городского солнца и шума; дорога шла подъ гору; наконецъ лошади стали спускаться по ступенькамъ; ѣхавшій впереди чиновникъ повернулъ въ какія-то ворота; мы за нимъ, нагибаясь къ самой лужѣ, чтобы не стукнуться о притолку; слѣзли съ лошадей и осмотрѣлись. Передъ нами былъ японскій домъ, открытый со всѣхъ сторонъ, болѣе похожій на бесѣдку; онъ стоялъ почти на окраинѣ обширнаго оврага, на небольшомъ расчищенномъ мѣстѣ; передъ домомъ былъ крутой обрывъ. Самый оврагъ, развернувшійся во всей своей ширинѣ, былъ наполненъ садами, сплошною растительностію, охватившею и самыя глубокія, и самыя возвышенныя мѣста ландшафта; на горизонтѣ другой берегъ этого зеленого моря поднимался также садами и башнями пѣгодъ, тонувшихъ въ деревьяхъ. Прямо подъ ногами видѣлись крыши и желтою лентой идущая между ними улица, на которой

продолжались шумъ и суета города; тамъ шли люди, быкъ тащилъ фуру съ тяжестью, перебѣгали мелкимъ шагомъ, точно газели, черноглазья мусуме; но все это видѣлось сверху и казалось чѣмъ-то совершенно удаленнымъ, отдѣльнымъ; мы какъ будто возвышались надъ суетой міра, пріютившись на площадкѣ, висѣвшей надъ бездной. На площадкѣ былъ красивый цвѣтникъ, бассейнъ холодной воды и павильонъ, который продувало со всѣхъ сторонъ; въ павильонѣ чистыя циновки, превосходный фарфоръ и европейскій обѣдъ, правда холодный, но приправленный портеромъ, хересомъ и констанскимъ. «Юй, юй, наканака - юй», говорили мы чиновникамъ, желая заглядить передъ ними свою настойчивость приглашеніемъ позавтракать и изъявленіемъ полного нашего удовольствія.

На возвратномъ пути проѣхали черезъ ворота, очень живописныя, стояція на горѣ, у мѣста пересѣченія вѣшняго полукруглаго канала, вдоль набережной канала, окружающаго О'сиро; этотъ каналъ совершенно покрытъ былъ широкими листьями водяныхъ лилій. Ѣхали мы княжескимъ кварталомъ. «Надо проѣхать это мѣсто какъ можно скорѣе, говорили чиновники,—чтобы чего-нибудь не случилось.» Они просто боялись, чтобъ ихъ самихъ не увидѣлъ какой-нибудь князь, вмѣстѣ съ иностранцами, которыхъ они смѣли привести въ ихъ крамольное логовище; имъ досталось бы за это; по ихъ предложенію они должны были бы окольными путями провести насъ. Но намъ не хотѣлось быть ихъ игрушкой, и мы продолжали ѣхать шагомъ, къ крайнему ихъ отчаянію. Если встрѣчался какой-нибудь изъ важныхъ, верхомъ или въ носилкахъ, наши чиновники оборачивали своихъ лошадей и кланялись передъ этимъ лицомъ; они не осмѣливались ѣхать въ противоположную отъ него сторону, но должны были притворяться,

что готовы всегда слѣдовать, куда бы ни угодно было японскому высокоблагородію,—тонкая черта вѣжливости японцевъ!

Возвратившись домой, мы услышали печальную исторію, случившуюся въ Юкагавѣ. Утромъ мы слышали объ этомъ мелькомъ; но, сомнѣваясь въ истинѣ, или, скорѣе, боясь убѣдиться въ ней, не обратили на нее никакого вниманія. Къ вечеру дѣло разъяснилось со всѣми подробностями.

Наканунѣ посланъ былъ на барказѣ въ Юкагаву мичманъ Мофеть для разныхъ закупокъ. Окончивъ дѣла, вечеромъ выпсѣлъ онъ изъ послѣдней лавки, съ двумя матросами. Едва отошли они немного шаговъ, какъ изъ переулка выскочило нѣсколько японцевъ; ударомъ сабли положенъ одинъ матросъ на мѣстѣ. Мофеть получилъ сабельный ударъ по шеѣ, другой, накрестъ его, по плечу и лопаткѣ, третій по ляжкѣ, который и заставилъ его упасть. Другой матросъ, шедшій по срединѣ улицы, успѣлъ убѣжать въ ближайшую лавку, преслѣдуемый однимъ изъ убійць, уже ранившимъ его въ лѣвую руку. Лавочникъ, переговоривъ съ преслѣдовавшимъ, заперъ лавку и спасъ матроса. Собрался народъ, убійцы скрылись; раненаго Мофета отнесли къ американцамъ, которые старались всѣми средствами помочь ему, но усилія ихъ были напрасны. Онъ, въ страшныхъ мученіяхъ, черезъ четыре часа умеръ.

Не говорю, въ какую скорбь погрузило это извѣстіе всѣхъ товарищей, любившихъ убитаго. Возбудилось недобріе къ народу, въ сношеніяхъ съ которымъ всегда замѣчалось болѣе сочувствія и дружбы, чѣмъ нежеланія сближенія. Чувство скорби смѣнилось пытливымъ духомъ гипотезъ. За неимѣніемъ положительныхъ данныхъ веденнаго слѣдствія, домашнимъ ареопагомъ дѣлались различные приговоры, основанные, вопервыхъ, на нашемъ знакомствѣ съ японцами, и, вовторыхъ, на знаніи подробностей дѣла. Изъ чего ясно можно заключить объ осно-

вательности этихъ приговоровъ... Было ли это случаемъ частнымъ, или надобно было видѣть здѣсь участіе японскаго правительства? Слѣдовало ли приписать убійство оппозиционнымъ феодаламъ, всячески старавшимся показать намъ свое нерасположеніе? Всѣ рѣшали эти вопросы по своему; былъ даже слухъ, что послѣ исторіи бросанія камней, которая еще разъ повторилась съ другими офицерами, начальники квартала были разжалованы въ солдаты, и что убійство было слѣдствиемъ личной мести.

Одинъ корветъ и клиперъ, взявъ съ собою эдскаго губернатора, пошли въ Юкагаву, для производства слѣдствія.

Несмотря на настоятельныя требованія, убійць не выдавали. Судя по тому, что писалось о японской полиціи, не отыскать убійць казалось бы дѣломъ невозможнымъ въ Японіи. Здѣсь, во первыхъ, глава семейства отвѣчаетъ за свой домъ; потомъ, каждые пять домовъ имѣютъ своего начальника, который подчиненъ начальнику улицы, *кахина*; кахина подчиненъ начальнику округа—*оттоно*, который уже относится въ городской магистратъ. Такъ одна половина народа смотритъ за другою. За малѣйшій доносъ слѣдуетъ наказаніе, не только преступника, но часто всего семейства; при арестованіи кого нибудь, арестуется все семейство. Въ случаѣ убійства секвеструется цѣлая улица, на которой оно случилось, и двери всѣхъ домовъ заколачиваются гвоздями. Но Юкагава торговала по прежнему, и улица оставалась незаколоченною, слѣдовательно,—или европейскіе писатели безсовѣстно сочинили всѣ вышесказанныя свѣдѣнія, или японцы не настоящимъ образомъ преслѣдовали дѣло. Отысканъ былъ ящикъ съ деньгами; а объ убійцахъ сказали, что, вѣроятно, они лишили себя жизни, потому что, при исправности полиціи, не отыскать ихъ невозможно дѣло; а они не находятся... «Такъ отыщите намъ тѣла ихъ, это гораздо легче», говорили имъ,—и дѣло продолжалось.

Стоявшіе въ Юкагавѣ не иначе слѣзжали на берегъ, какъ вооруженные. Это повидимому нисколько не трогало японцевъ; про себя, они, я думаю, посмѣивались надъ этимъ донкихотствомъ. Всѣ консулы приняли живое участіе въ дѣлѣ, столько же касавшемся ихъ, сколько и насъ: если зарѣзали русскаго офицера, то легко могутъ зарѣзать и американца. Нѣкоторые изъ насъ стояли за строгія мѣры, за настоятельныя требованія, даже еслибы пришлось и бомбардировать Юкагаву.

Убийць ждала казнь ужасная; по японскимъ законамъ, ихъ слѣдовало распять и колоть саблями, до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного признака жизни. Законъ возмездія составляетъ, кажется, главное основаніе ихъ уголовныхъ уложеній — око за око, зубъ за зубъ, почти буквально. Такъ, поджигателя жгутъ медленнымъ огнемъ; въ настоящее время, въ Хакодади сидитъ преступникъ, ожидающій себѣ этой казни. Укравшему болѣе 10 рѣ (40 ицибу, около 20 руб.) отрубаютъ голову.

Мы оставили Японію, а дѣло еще не было окончено; для этого оставался фрегатъ *Аскольдъ*. Надъ могилами убитыхъ предложено выстроить часовню, на которую уже собрали довольно значительную сумму. Въ планѣ часовни нарочно придерживались нашей отечественной архитектуры, чтобы будущій пришлецъ изъ Россіи, на другомъ концѣ свѣта, среди міра, ему чуждаго, еще издали могъ узнать близко-знакомый ему куподъ съ осѣняющимъ его крестомъ. Вокругъ могилы смѣющаяся мѣстность смотреть такимъ чуднымъ пріютомъ для совершившихъ свое земное странствованіе, что видъ этой могилы пробуждаетъ болѣе свѣтлыя, нежели мрачныя ощущенія.

Уйти изъ Эддо, не побывавъ въ Озіо, было бы грѣшно; это то же, что быть въ Римѣ и не видать папы. Опять мы распорядились, какъ въ прошедшій разъ; съѣхали на берегъ наканунѣ и заказали себѣ лошадей, предупредивъ,

что ѣдемъ въ Озіо. На площади мы наткнулись на интересную сцену. Окруженный толпой народа, сидѣлъ японецъ весь въ бѣломъ. На лѣвой рукѣ его, около локтя, въ тѣло воткнута была коротенькая свѣчка, пламенемъ своимъ обжигавшая кругомъ кожу и тѣло; въ правой рукѣ былъ пучъ горящихъ, ароматическихъ свѣчъ, какія жгутъ передъ идолами; пламя и дымъ вырывались между согнутыми пальцами и облигали кисть фанатика. На лицѣ его не было и слѣда выраженія какого-нибудь страданія и ощущенія боли; монотоннымъ голосомъ причитывалъ онъ, вѣроятно, молитвы, смотря куда-то въ пространство своими черными глазами, свѣтившимися экстазомъ. Ему бросали деньги, но онъ, казалось, не обращалъ на это никакого вниманія.

Утромъ отправились мы тою же кавалькадой, и съ тѣми же чиновниками, и часа черезъ три были за городомъ. Чтò это, великолѣпный ли паркъ, или ужъ такъ хороша вся страна, прилегающая къ столицѣ Японіи?... Случай или искусство расположили эти рощи и клумбы вѣковыхъ деревьевъ съ обѣихъ сторонъ дороги, эти просвѣты между зелени, долины, окаймленные высокими кедрами, холмы, вѣнчаные бамбуками и столѣтними, развѣсистыми дубами, сады съ смѣшанною растительностію, начиная отъ японской сосны до пальмы, отъ ясени и клена до померанца, пизанга и камеліи?.. Вотъ нѣсколько расчистилось мѣсто, деревья какъ будто отступили, отдавъ свою щедрую почву огороднымъ растеніямъ, «таро», пататамъ, кукурузѣ и рису; между бархатною, изумрудною зеленью послѣдняго, правильными бороздами рисуется другой овощъ, какъ будто направленіе грядъ перваго взято было въ расчетъ для красоты мѣстности. Но вотъ опять, широкою волной, нахлынули къ самой дорогѣ зеленокудрые великаны; должно было наклониться, чтобы проѣхать подъ тяжелыми исполинскими вѣтвями; насъ окутывалъ мракъ отъ густой тѣни,

между тѣмъ какъ яркое освѣщеніе охватило уже проѣхавшаго эти живыя ворота. Скоро показалась табера, низенькая и длинная; во всю длину крыши ея, частію скрытой зеленью, висятъ пестрые бумажные фонари; на мягкихъ циновкахъ нѣсколько японцевъ пьютъ чай, а вѣчная мусуме, вѣроятно забывъ о своихъ посѣтителяхъ, вышла къ самой дорогѣ поглазѣть на проѣзжающихъ.

Насъ попросили слѣзть съ лошадей, и мы взошли пѣшкомъ на холмъ, довольно большой и скрывавшій находившійся за нимъ ландшафтъ. На вершинѣ холма стояло нѣсколько скамеекъ, а подъ тѣнью ближняго дерева пріютилась «чайная»; по этому мы могли заключить, что недаромъ все это находилось здѣсь и какъ будто заманивало прохожаго отдохнуть, обѣщая ему прекрасный отдыхъ. Передъ нимъ мгновенно открывается одна изъ тѣхъ картинъ, память о которыхъ остается въ душѣ, какъ событіе; онъ увидитъ, насколько хватитъ глазъ его, ровною скатертью лежащую долину, уходящую въ безконечную даль; по ней разбросаны деревеньки и лѣса, расположившіеся то около рѣки, извивающейся серебряною лентой, то между изумрудною зеленью рисовыхъ полей, или у нѣсколькихъ озеръ и каналовъ; увидитъ чудную игру красокъ, когда отдаленіемъ сгладятся рѣзкія черты предметовъ, и все это затушется какою-то прозрачною голубизной въ безформенные, фантастическіе образы, сливающиеся на горизонтѣ съ лазурью неба, съ его воздушными туманами; онъ увидитъ и крупныя особенности лежащаго у ногъ его обрыва, домики у подошвы горы, деревни и улицы съ ихъ старухами, кричащими дѣтьми, ближайшія деревья съ развѣсистыми и кудрявыми вѣтвями, бросающимися въ глаза. «Эту долину называютъ долиной Эддо», скажетъ японецъ, съ тѣмъ же самодовольствіемъ и съ гордостію, какъ говоритъ италіанецъ, указывая на вѣчный городъ: «Ессо Рома!»

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that this is essential for ensuring transparency and accountability in the organization's operations.

2. The second part of the document outlines the various methods and tools used to collect and analyze data. It highlights the need for consistent data collection procedures and the use of advanced analytical techniques to derive meaningful insights from the data.

3. The third part of the document focuses on the role of technology in data management and analysis. It discusses how modern software solutions can streamline data collection, storage, and processing, thereby improving efficiency and accuracy.

4. The fourth part of the document addresses the challenges associated with data management, such as data quality, security, and privacy. It provides strategies to mitigate these risks and ensure that the data remains reliable and secure.

5. The fifth part of the document discusses the importance of data governance and the role of various stakeholders in ensuring that data is used ethically and in compliance with relevant regulations.

6. The sixth part of the document provides a detailed overview of the data lifecycle, from data collection to data archiving and deletion. It emphasizes the need for clear policies and procedures to govern each stage of the data lifecycle.

7. The seventh part of the document discusses the role of data in decision-making and the importance of providing timely and accurate information to management and other stakeholders.

8. The eighth part of the document provides a summary of the key findings and recommendations of the study. It emphasizes the need for a comprehensive data management strategy that integrates all aspects of data collection, analysis, and governance.

9. The ninth part of the document provides a list of references and sources used in the study. It includes books, articles, and other relevant documents that provide additional information on the topics discussed in the document.

10. The tenth part of the document provides a list of appendices and supplementary materials. These materials include detailed data sets, charts, and other supporting information that are not included in the main body of the document.

Къ обрыву прижималась рощица; въ тѣни ея, по каменнымъ ступенямъ лѣстницы, сошли мы въ деревеньку, которая вся состояла изъ чайныхъ домовъ. Это и было Озіо. Всѣ домики террасами своими висѣли надъ рѣкой. Мы вошли въ первый изъ нихъ, гдѣ насъ какъ будто ждали и гдѣ насъ встрѣтило около двадцати молоденькихъ дѣвушекъ, красиво одѣтыхъ, прекрасно причесанныхъ и еще лучше улыбающихся своими молодыми, граціозными улыбками.

Комната, или терраса, открытая со всѣхъ сторонъ, и гдѣ былъ приготовленъ для насъ роскошный японскій обѣдъ, висѣла надъ стремившеюся по камнямъ рѣкой; противоположный берегъ былъ убранъ, съ кокетствомъ микроскопическихъ садиковъ, разными миніатюрными деревцами, затѣйливо подстриженными миртами, камнями, изображавшими скалы и пещеры, и правильными дорожками; далѣе поднимался лѣсъ исполинскихъ деревьевъ, бросавшихъ сплошную массу длинную и густую тѣнь на рѣку и на деревеньку, съ ея домами и террасами. Влѣво отъ насъ, за павильонами, также нѣсколько выступившими къ рѣкѣ, видѣлся водопадъ во всю ширину рѣки, падавшій съ пѣной и брызгами съ высоты двухъ саженей; за нимъ темнота отъ высокихъ деревъ, густо столпившихся кругомъ этого поэтического уголка. Чтобы выбрать подобное мѣсто для загородныхъ прогулокъ, нужно имѣть вкусъ и даже умѣнье жить. Все это и есть у японцевъ. Когда японецъ веселится, онъ хочетъ утонченнаго наслажденія; ему нужна не шумная оргія, не дикіе кутежи людей, утратившихъ способности спокойнаго наслажденія, нуждающихся въ возбудительныхъ средствахъ азарта, увлеченія; нѣтъ, онъ требуетъ поэтической обстановки, любитъ природу, обаяніе ея дѣйствуетъ на его нѣжную, впечатлительную натуру, также какъ и глазки его мусуме. Вотъ, черезъ домъ отъ насъ, въ совершенно-отдѣльномъ павильонѣ, какой-то

японецъ пріѣхалъ провести нѣсколько часовъ въ свое удовольствіе. Онъ одинъ, слѣдовательно распоряжается собой, какъ знаетъ. Передъ нимъ три лакированные столика, на которыхъ стоятъ самыя лакомыя для него кушанья, въ чайкахъ и на блюдахъ превосходнаго фарфора. Онъ снялъ свою офиціальную одежду, сабли его въ сторонѣ, на немъ халатъ изъ легкой бѣлой матеріи, изъ шелковаго брѣпа съ большими голубыми цвѣтами. Передъ обѣдомъ онъ сходитъ въ ванну, которая находится подѣ нашимъ домомъ; въ нижней комнатѣ сдѣлана искусственная скала, съ перваго взгляда кажущаяся простымъ кускомъ гамня; изъ нея бьетъ фонтанъ; вмѣсто пола палуба и носъ джонки; купающійся какъ будто приплываетъ къ скалѣ и наслаждается подѣ холодною струей падающей съ камня воды; всматриваясь ближе, видишь превосходно-выточепную изъ камня рыбу, готовую выскочить изъ бассейна, нѣсколько лягушекъ, кажется, сейчасъ только выпрыгнувшихъ; ихъ точно спугнулъ кто-нибудь, потревожа ихъ мирное, каменное житье. По узкой лѣстницѣ сходитъ сверху молоденькая мусуме и предлагаетъ ему свои услуги — вымыть, достать горячей воды, находящейся здѣсь же въ другомъ бассейнѣ. Она вытерла насухо тѣло сибарита, онъ надѣваетъ халатъ и идетъ въ свой павильонъ; тамъ его ждуть двѣ собесѣдницы, воспитанницы здѣшняго чайнаго дома, хорошенькія и свѣженькія, какъ розы; онѣ раздѣляютъ съ нимъ трапезу, услаждаютъ слухъ музыкой; одна играетъ на *самисенъ*, родъ трехструнной гитары, съ длинною шейкой, другая поетъ, или читаетъ стихи, съ рапсодическою интонаціей; смотрите на него, съ какимъ удовольствіемъ покуриваетъ онъ свою маленькую трубочку...

Нашъ обѣдъ былъ сервированъ превосходно; японцы умѣютъ красиво разставить свои фарфоры и лаковыя вещи на столахъ, похожихъ больше на этажерки; самыя кушанья болѣе красивы нежели вкусны. Среди всего ставится чаша

съ водой, въ которой плаваютъ чашечки для саки. Форма этой чаши часто разнообразится. Теперь передъ нами стояла превосходно-сдѣланная бронзовая группа, изображавшая вулканъ Фузи; каскадъ сбрасывался со скалы въ бассейнъ, въ которомъ и была вода. Во время нашего обѣда много ребятшекъ собрались на противоположномъ берегу рѣки, и своими красивыми группами прекрасно оживляли ландшафтъ. Мы бросали имъ яблоки и деньги, которыя часто попадали въ рѣку; шумною толпой входили они въ быстрину, и самыя проворныя ловили добычу.

Послѣ обѣда мы отправились гулять, перешли по мосту рѣку, и рощею высокихъ и прямыхъ кедровъ, въ ихъ сплошной тѣни, скоро достигли храма, посвященнаго «лисицѣ». Я, кажется, говорилъ, что японцы очень уважаютъ это животное. Храмъ стоялъ въ густотѣ кедровъ, къ нему вела каменная лѣстница въ нѣсколько уступовъ; потомъ рощами и огородами, въ которыхъ росли рисъ и таро, дошли мы до чайной плантаціи. Чай низенькими кустиками росъ по грядамъ; около нихъ былъ чайный домъ, какъ ему и слѣдовало быть, съ дѣвушками и пріятнымъ мѣстомъ для отдыха. Прямо противъ дома поднимался уступъ, весь заросшій до верху тоже исполинскими кедрами, составлявшими продолженіе рощи, которая скрывала своими деревьями храмъ лисицы; въ трехъ мѣстахъ падала вода красивыми каскадами, съ высоты нѣсколькихъ саженей, въ бассейны, маскируемые зеленью. Въ бассейнахъ, сквозь кустарникъ, виднѣлись голые японцы и японки. Тутъ было все для антологическаго стихотворенія...

Изъ Эддо мы ушли 24 августа.